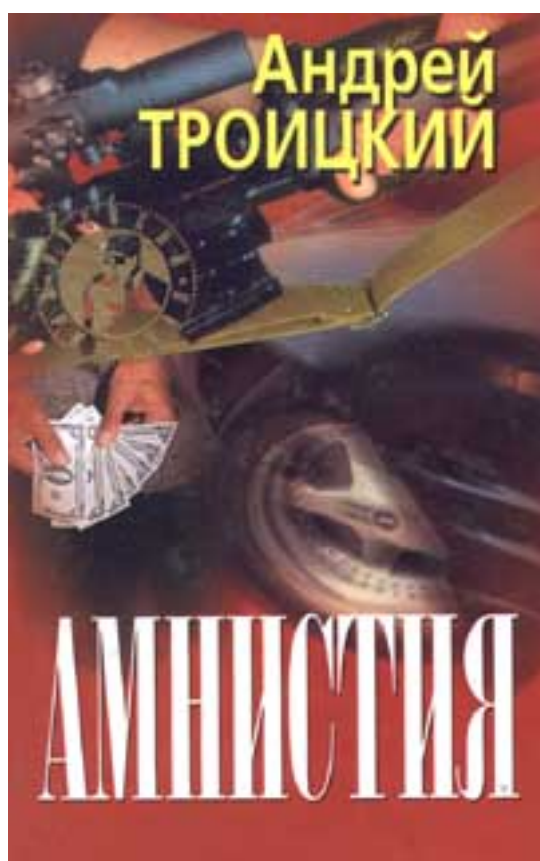

Андрей Борисович Троицкий

Амнистия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131447

Троицкий А. Амнистия: Мангазея; 1999

ISBN 5-8091-0033-3

Аннотация

Молодой драматург Локтев после ДТП оказывается на крючке у милиции и дает согласие работать осведомителем. Он участвует в разработке Тарасова – жестокого убийцы и грабителя, но его тяготит роль стукача. Избавиться от этой зависимости Локтев может только одним способом – став таким, как Тарасов...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	18
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Глава шестая	40
Глава седьмая	48
Глава восьмая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей ТРОИЦКИЙ

АМНИСТИЯ

Глава первая

Два поворота дороги отделяли Алексея Локтева от того места, где должна была оборваться его старая жизнь и начаться совершенно новая. Только два поворота и семь минут времени. Это были даже не повороты дороги, это были повороту судьбы. Но эти два поворота ещё предстояло сделать. А семь минут нужно было ещё прожить...

В свете редких ночных фонарей зелень деревьев приобрела совершенно новые неземные цвета и тона, сделалась масляно синий, рельефной, по особому выпуклой. Локтев подбрал в центре города пассажирку и теперь привез её сюда, на незнакомую городскую окраину, на узкую темную улицу с двухсторонним движением. Он сбавил ход «Жигулей», боясь в темноте угодить колесом в глубокую выбоину в асфальте или открытый канализационный люк.

«Московское время ноль часов сорок пять минут, – нарочито бодрый голос диктора вдруг сделался грустным. – Синоптики не обещают понижения температуры в ближайшие дни. По их прогнозам, жара, установившаяся в Москве, не спадет в течение всей недели. А дальше – посмотрим. Как говорит в таких случаях знакомая бабушка...» Локтева мало интересовало мнение знакомой бабушки, он перестал слушать. Действительно, жара давит на психику, а духота такая, что шуточки ведущего радиопрограммы, возможно, остроумные, не доходят до сознания, кажутся совсем пресными и вымученными. Сняв руку с баранки, Локтев крутанул ручку приемника, уменьшая громкость, повернул голову к пассажирке, женщине лет тридцати, устроившейся рядом, на переднем сидении.

– Теперь куда? – спросил он.

– Я не знаю.

Женщина поправила бретельку кофточки, сползшую с голого загорелого плеча.

– Мне кажется, мы заблудились, – добавила она.

– Мне тоже так кажется, – усмехнулся Локтев. – Уже давно кажется, что мы заблудились.

Но вот он, свет в конце тоннеля. Наконец-то. Локтев весело цокнул языком. Впереди освещенный перекресток, светофор, широкая «зебра» перехода. На перекрестке он остановил машину на зеленый свет, подождал минуту, может, появится из жаркой темноты какой припозднившийся пешеход. И Локтев спросит у него дорогу до этой проклятой Гжатской улицы.

Никого. Ни души. Пешеходная «зебра» пуста, а тени деревьев вообще ни черта не разглядеть. Локтев тяжело вздохнул, в конце тоннеля не свет, а все тот же густой мрак летней ночи.

– Сейчас направо или налево?

– Я не знаю, – женщина равнодушно пожала плечами.

Локтев пригнул голову, посмотрел направо: темнота, только сквозь листву пробиваются далекие огни какой-то высотки. Слева темнеет погашенными окнами трехэтажное кирпичное здание старой постройки. То ли завод, то ли фабрика, похожая на огромный барак с двухскатной крышей. Навстречу промчался пустой рейсовый автобус почему-то без номера, с выключенными габаритными огнями.

– Так нам направо или налево? Посмотрите повнимательнее, иначе мы тут досветла крутиться будем.

– Не знаю куда, честное слово.

Женщина рассеяно покачала головой.

– Не знаете, где живете?

– Я не москвичка, и тут не живу. Я в этом районе сдуру сняла квартиру. Не знала, что это такая дыра, дырища. Ровно три дня назад сняла где-то здесь квартиру. Я даже не знаю, где продуктовый магазин. Ночевала тут только один раз. Два раза приезжала сюда на такси, перевезла вещи от подруги. Дело было днем.

– Понятно.

Локтев достал из нагрудного кармана платок, промокнул лоб и шею, после минутного раздумья повернул направо. Он повернул именно направо, туда, где на дороге его ждали большие неприятности...

Женщина, перестала смотреть на дорогу, расстегнула сумочку, вытащила плитку шоколада «Басни Крылова», разорвала обертку и зашуршала фольгой. Локтев опустил ниже боковое стекло и сунул в рот сигарету, но забыл её прикурить.

– Шоколадку не хотите?

– Я хочу одного, найти вашу улицу, – ответил Локтев. – И ещё спать хочу. Когда вы садились около гостиницы «Центральная», сказали, что знаете дорогу. Сказали, что покажете мне дорогу.

– Да, знаю дорогу, днем знаю.

Женщина положила в рот кусочек шоколадки.

– Но ведь вы садились ко мне в машину ночью, не днем.

Локтев оборвал себя, продолжать пустые препирательства нет смысла. Что он хочет услышать в ответ? Он, Локтев, подобрал пассажирку в центре, согласился отвезти в Перово, до этой самой улицы, о существовании которой прежде не слышал. Обещал отвезти, потому что женщина сказала, что хорошо заплатит. Все ясно. Так что он хочет услышать в ответ? Еще одно «я не знаю».

Он затормозил, показалось, по правой стороне улицы в тени деревьев шагал какой-то мужчина. Дотянувшись до ручки, Локтев распахнул правую дверцу.

– Ой, уважаемый...

На ветру задрожали листья тополей. Издали донеслись чьи-то голоса. Пешеход исчез темноте так же неожиданно, как из неё появился. И чего он испугался? Бродят в ночи всякие идиоты... А может, и не было вовсе никакого пешехода?

В такую жаркую ночь человеку, просидевшему за баранкой часов семь, а то и десять часов подряд, все, что угодно, померещиться может. Чего и в природе не существует вдруг увидишь. Чертыхнувшись, Локтев захлопнул дверцу, тронул машину с места.

Деревья стали попадаться реже. По обеим сторонам кривой улицы, сколько хватало взгляда, потянулись серые железобетонные заборы производственной зоны. Вот наглухо закрытые металлические ворота какого-то склада, на газоне ржавый остов какой-то легкого автомобиля.

Железобетонный забор сменился кирпичным забором, по встречной полосе промчалась темная «Волга», прогремел грузовик с пустым кузовом. Наконец, на правой стороне улицы показалась жилая пятиэтажка светлого силикатного кирпича, Локтев снизил скорость, наклонил голову, стараясь разглядеть табличку с номером дома и названием улицы.

* * *

Дом, кажется, имеет номер – восемнадцатый. А улица? Локтев надавил педаль газа, проехал метров двести до следующего дома. Вот она, освещенная помирающей на глазах

лампочкой плоская табличка. Черном по белому: улица Каскадная. Локтев почесал переносицу, о существовании такой улицы слышать не доводилось.

Он остановил машину на обочине, впритирку к бордюрному камню, включил в салоне свет, открыл бардачок. Разложив на баранке карту Москвы, долго хмыкал и водил пальцем по бумаге. Наконец, поднял голову, посмотрел внимательно на свою пассажирку.

– В Перово нет Гжатской улицы. Есть Братская. Может, вам именно туда, на Братскую?

– Нет, мне на Гжатскую.

– Но здесь нет такой улицы, хотите, взгляните сами, – он ткнул пальцем в карту. – Это новая карта.

Женщина скомкала бумажку от шоколадки и выбросила её на дорогу.

– А в каком же районе находится эта улица?

Локтев чуть не застонал от досады. Потратить столько времени – и все понапрасну.

– Какая именно улица?

– Ну, кажется, Гжатская?

– Подождите, вы сказали, что вам нужно именно в Перово. Не «кажется», а точно в Перово. Когда мы подъезжали к Перово, вы сказали, что нужна какая-то Гжатская улица. Я не мог проверить ваши слова, в этом просто не было необходимости. Хотя я даже не знаю, от какого слова происходит это название.

– Какая разница?

– Вот именно, какая к черту разница?

– Не ругайтесь.

– Я не ругаюсь. Я объездил с вами половину района, теперь развернул карту и говорю вам, что такой улицы здесь нет. Что будем делать?

– А где она есть, в каком районе? Может, я что-то перепутала?

Локтев снова склонился над картой, прищурился и запыхтел с такой натугой, будто поиск Гжатской улицы по карте требовал от него сверхъестественных физических усилий. Наконец, он ткнул пальцем в карту с такой силой, что смял плотную бумагу.

– Вот, вот где она, ваша улица. Только она не в Перово, а в Кунцево. Вы не москвичка. Возможно, вам трудно понять некоторые нюансы, некоторые тонкости. Но вы все-таки постарайтесь: Перово и Кунцево – это совершенно разные районы. В этом тонкость.

– Вы взялись довести меня до места.

– Я согласился довести вас до Перово.

– Довезите меня до дома, я хочу спать.

Темные глаза пассажирки сердито заблестели. Она захлопнула сумочку.

– Какое совпадение, я тоже хочу спать.

– Но вы ведь не бросите меня в незнакомом месте, на этой пустой дороге?

– Давайте так: я довезу вас до Рязанского проспекта. Там вы поймаете машину и поедите к себе в Кунцево. Договорились?

– Вы обещали довести меня до дома, – женщина упрямо поджала губы. – Я заплачу.

– Разумеется, вы мне заплатите, – кивнул Локтев. – В такую жару я не занимаюсь благотворительностью. Это против моих правил. Тем более не занимаюсь благотворительностью ночью. И на голодный желудок.

Локтев бросил карту в бардачок, развернул на ладони платок и, уронив в него лицо, промокнул испарину со лба и щек. Сил на пустые споры не осталось. Проще доставить эту слишком забывчивую дамочку, эту провинциальную бестолковку по назначению, до съемной квартиры в Кунцево, чем стоять посередине темной дороги и заниматься бессмысленными препирательствами.

Он поклялся себе впредь брать вперед деньги с ночных пассажиров. Локтев, злой на женщину, на себя, на спящий город, на весь окружающий мир, рванул машину с места. Теперь он представлял себе длинную скучную дорогу до Кунцево. И злился ещё сильнее.

Женщина молчала, то ли не хотела больше скрывать усталости, то ли делала вид, будто на кого-то обиделась. Но на кого здесь обижаться? Разве что на свою короткую память. Локтев, проскочив перекресток на желтый сигнал светофора, свернул налево, прибавил газу. Давно не выпадало такого неудачного дня, такой бестолковой ночи.

— А вы, я заметила, тоже не москвич?

— С чего вы взяли?

Локтев повернул голову к пассажирке.

— Город плохо знаете.

— Я родился в Москве и здесь ро...

* * *

Локтев перевел взгляд на дорогу и не успел закончить фразу, оборвав себя на полуслове. Неизвестно откуда прямо перед капотом возникла долговязая мужская фигура. Ногой Локтев утопил педаль тормоза, что есть силы, вывернул руль вправо. На мгновение он увидел совсем близко бледное, как молодая луна, перекошенное от ужаса мужское лицо.

Увидел стеклянные, вылезшие из орбит глаза. Это лицо появилось и исчезло в крошечной тьме. Раздался смачный хлопок, будто с высоты пятого этажа на капот автомобиля уронили пакет молока, лопнувший от удара. Пассажирка вжала голову в плечи, обеими руками вцепилась в подушку сидения.

Протяжно взвизгнули тормоза. Машина пошла юзом, развернулась в обратном направлении. Женщина, широко раскрыв рот, закричала. Автомобиль вылетел на встречную полосу, замедлив ход, коснулся двумя правыми колесами бордюрного камня, проехав ещё десяток метров. Наконец, остановился.

С шумом выпустив из себя воздух, Локтев оторвал от баранки вдруг занемевшие ладони. Он хотел что-то сказать, но слов не было. Женщина прижала руки к груди и тяжело задышала.

— Боже мой, — сказал она.

— Все, приехали, — ответил Локтев.

Распахнув дверцу, он выбрался из машины, огляделся по сторонам. Никого. Куда же делся тот мужик с бледным лицом? Локтев пересек белую полосу разделительной линии. Вон он, лежит на обочине, похожий на длинный бесформенный мешок. Локтев сделал несколько быстрых шагов вперед, наклонился над телом, присел на корточки. За спиной хлопнула дверца, Локтев обернулся.

Женщина, стояла на мостовой, глядя вперед себя пустыми черными глазами.

Локтев вытянул руку вперед, прижал пальцы к шее мужчины. Пульса нет. Что же делать? Нужно немедленно вызывать милицию. И, разумеется, «скорую». Господи, есть ли в этом районе хоть один телефон-автомат? Едва ли.

А если есть, где его искать? Темно. Нет, не отыщешь телефонную будку такой темноты. Так что же делать? Сидя на корточках, Локтев тупо разглядывал лицо мужчины, желтоватое, с синюшными кругами под глазами. Разглядывал быстро росшую в размере черную лужицу крови под головой.

— Что вы наделали...

Женщина стояла над Локтевым. Она размазывала платком по влажному лицу потекшую вместе со слезами тушь для ресниц.

— Что же вы наделали...

– А что я наделал? – поднял голову Локтев.

– Вы его убили.

– Этот черт сам бросился под колеса. И откуда он только взялся на пустой дороге?

– Вы... Вы убили человека. Убили.

– Тьфу, черт. Никого я не убивал.

Локтев решил, что у женщины что-то вроде эмоционального шока, он хотел что-то ответить, но промолчал. Хотел плюнуть, но в горле пересохло, язык стал сухим и шершавым.

– Мне страшно, – сказала женщина.

Подтеки крови на бордюрном камне. Видимо, отброшенный ударом, человек пролетел в воздухе десяток метров, ударился головой об этот камень или мостовую. Короткий полет, быстрое падение. Все, конец.

По виду мужчине лет сорок, может, тридцать восемь. Мог бы ещё пожить, погулять, побегать, нарушить правила дорожного движения. Но не судьба. Серая майка задралась до самой груди, из-под неё выглядывает плоский волосатый живот. Темные тренировочные брюки с широкими красными полосками, похожими на генеральские лампасы, ноги босые.

Носки покойный не носил – вот что можно определенно сказать об этом человеке.

А где же его обувь? Локтев повертел головой из стороны в сторону. В воздухе плавают тополиный пух, его много, он везде. А где обувь? Вон она, под дальним фонарем валяются то ли кроссовки, то ли ботинки.

– Мне страшно, – повторила женщина.

– Почему страшно?

– Вы убили человека. У вас руки в крови. Я боюсь.

– Да отстань ты от меня.

Локтев испытал новый, сжимающий горло приступ злости.

– Ты сама все видела. Никого я не убивал.

Что же делать? Что сейчас следует делать, где искать гаишников? Локтев взял в руку запястье мужчины и снова осторожно положил руку. Локтев опустил бессмысленный взгляд на мостовую. И тут увидел в двух шагах от труп, на пыльном асфальте у самой обочины, человеческие мозги. К горлу подступил, поднялся из самой утробы кислый комок тошноты. Вышибленные мозги, на что они похожи, когда просто валяются на мостовой рядом со своим бывшим владельцем?

Ночь, улица, фонарь, аптека, вышибленные мозги и прочая лирика. Может, они похожи на двойную порцию клубничного десерта. Если так, этим десертом здесь некому полакомиться, до такого угощения охотников не найдется. А может, человеческие мозги похожи на кучу дерьма, которую только что сделала бродячая смертельно больная собака с кровавым поносом?

Локтев так увлекся этой спасительной мыслью, что даже поискал глазами эту самую бродячую собаку, надолго задержал взгляд на придорожных кустах.

Нет, не похожи мозги на собачье дерьмо. Похожи сами на себя, то есть на мозги, только что вылетевшие из-под черепушки. Возможно, они в своей агонии ещё продолжают о чем-то думать, мыслить. Правда, эти мысли для человечества уже не имеют решительно никакого значения.

* * *

Локтев услышал в стороне веселый цокот женских каблучков.

Он посмотрел направо. Недавняя пассажирка, пробежав два десятка метров по тротуару, пересекла газон, выскочила не едва приметную асфальтовую дорожку, свернула куда-то в сторону и исчезла в тени придорожных тополей. Локтев вскочил на ноги. Он рванулся

было вслед убегавшей, перепрыгнул бордюрный камень, сделал несколько шагов вперед и остановился.

– Стой, стой стерва. Стой, тебе говорят.

Цокот каблучков растаял где-то далеко-далеко в темноте.

– Стой, – ещё раз во все горло крикнул Локтев. – Стой, дура, гадюка... Руль тебе в задницу.

Тишина. В воздухе висит тополиный пух. Отделенная от дороги ветвистыми тополями, спит светлая пятиэтажка. В темных окнах отражается млечный свет уличных фонарей. Локтев застонал, к горлу подступала уже не тошнота, готовы были прорваться слезы бессилия. Он вернулся на прежнее место, присел на корточки, запустил руку в левый карман тренировочных брюк покойника. Пусто.

В правом кармане тонкая стопка бумажных денег, купюры мелкие, листок с семизначным номером. Видимо, чей-то телефонный номер. Локтев сунул деньги и листок с номером в тот же карман, откуда их только что вытащил.

Он поднялся на ноги.

Нужно решить: что делать сейчас, в этот момент своей жизни. Искать гаишников? Или... Вот оно, право выбора. Это право дано человеку Богом. Почему бы сейчас не воспользоваться этим правом? Глупо им не воспользоваться. К чему стоять столбом и пялиться на покойника, если можно сесть за руль и поехать дальше?

Локтев пересек дорогу, устроился на водительском месте, захлопнул дверцу. Он тронул машину. В зеркальце заднего вида мелькнуло лежавшее на обочине тело незнакомого мужчины лет сорока, тело, напоминающее длинный узкий мешок.

Глава вторая

Инспектор уголовного розыска Максим Руденко стоял у распахнутого настежь окна и наблюдал, как от дома отчаливает темная прокурорская «Волга». Мальчишки, гонявшие оранжевый мяч у подъезда расступились, освобождая дорогу. Машина плавно набрала ход, покатилась по залитому солнечным светом двору, повернула налево и исчезла в темной глубине арки.

Начальство уехало, это неплохо, это даже хорошо, потому что теперь, в его отсутствии, можно спокойно заняться делом. Руденко выставил локти в стороны, завел их за спину, расправляя плечи.

Итак, что мы имеем на данный момент? Имеем ли то, что имеем. Жаркое утро. Однокомнатная квартира на втором этаже. Двухметровая комната просто завалена тополиным пухом. Последние три дня окна оставались распахнутыми настежь. Пуха налегло столько, что в углах комнаты выросли бесформенные, дрожащие от дуновения ветра, сугробы.

У голой торцевой стены, свернувшись калачиком, спит хозяин этой тополиной берлоги Осипов Герман Николаевич. Теперь он так далек от мирской суеты, что его вечный сон не тревожит, ни присутствие в его жилище посторонних совершенно незнакомых людей, ни жара, ни помойные зеленые мухи, слетевшиеся на сладкий запах мертвой плоти.

Бельевой двухстворчатый шкаф с облезлой полировкой, диван, круглый стол у окна, три венских стула с гнутыми деревянными спинками. Даже телевизора нет. Обстановочка, прямо сказать, спартанская. Немного оживляют эту совсем унылую картину беспорядочно развешанные по стенам вымпелы спортивных обществ, плакаты с изображением супертяжеловесов, чемпионов мира по боксу прошлых лет. Плакаты пожелтели, дешевая бумага выцвела и, кажется, готова развалиться, рассыпаться от легкого прикосновения руки. И, наконец, засохший куст герани на подоконнике, а рядом несколько пустых посуды из-под водки.

В прихожей хлопнула дверь, раздались шаги в коридоре, на пороге комнаты возник участковый инспектор Поваляев, последние полтора часа занимавшийся опросом жильцов подъезда. Сняв с головы фуражку, Поваляев задышал глубоко, со странным нутряным приливом. Руденко посмотрел на инспектора без видимого интереса.

– Ну что? Народ, как всегда, безмолвствует?

Поваляев, вытерев ладонью испарину с горячего лба, лишь обречено пожал плечами. Мол, что поделаешь, раз такой народ

– Вечером, когда люди с работы вернутся, снова пройду по квартирам.

– А у этого клиента, – Руденко кивнул головой в сторону скорчившегося на полу Осипова, – у него были тут приятели, собутыльники?

– Вообще-то он жил как-то обособленно. И спокойно. По моей линии на него жалоб не поступало. Ни скандалов, ни драк, ничего такого. Все по-тихому.

– Но ведь ни один же он выпил три пол литры.

Руденко показал пальцем на подоконник.

– Почему не один?

Умудренный жизнью пятидесятилетний участковый помотал головой, выражая несогласие с выводами молодого инспектора, который, по всему виду, в таких вот пьяных делах ещё не нажил опыта.

– Запросто мог и один выпить. Ему не привыкать.

– Это в такую-то жару? Нормальный человек со стакана свалится.

Участковый снисходительно улыбнулся и снова покачал головой, оставляя за собой право на собственное, противоположное мнение.

– Этот не свалится, – сказал он.

– Окурки в пепельнице от разных сигарет. И вообще, сразу видно, что здесь посидели гости. Были у Осипова друзья среди местных?

– Выписал он с одним местным. С Сергеем Пикиным. Сергей не то, чтобы приятель Осипова, скорее так... Он тут через два дома живет.

– Что это за Пикин?

Участковый неопределенно пожал плечами.

– Для меня все они одним миром мазаны, алкаши.

– Тащи сюда этого Пикина. Бери за шиворот и тащи. Понял?

– Так точно.

Поваляев надел фуражку и исчез.

Руденко хотел закурить, но передумал. По словам медицинского эксперта, уехавшего только что вместе с прокурором, смерть наступила три дня назад, в субботу, примерно в шесть вечера, плюс-минус три часа – это поправка на жару. Осипов мастер спорта по боксу международного класса, чемпион страны в первом полутяжелом весе. После окончания спортивной карьеры, работал в Карелии тренером в спортивных обществах «Урожай» и «Буревестник». Не так давно, года три назад, перебрался в Москву. Наставник молодежи, и вообще Осипов заслуженный уважаемый человек.

Правда, все заслуги, все уважение остались в прошлой трезвой жизни. А что в настоящем? Почти ничего. Жалкие останки спортивной карьеры, трагический итог короткой жизни. Вот эти пыльные вымпелы, рассыпающиеся от ветхости плакаты, пустые бутылки на подоконнике. И две проникающие ножевые раны в груди. Пожалуй, все. План места происшествия составлен, труп дактелоскопировали, минут через сорок приедет перевозка, и тело Осипова отвезут в судебный морг.

Руденко отошел от окна, сел на шаткий жалобно заскрипевший под тяжестью человека венский стул, стал листать только что заполненный бланк протокола осмотра места происшествия. «Труп одет в светло-голубую трикотажную безрукавку, серые хлопчатобумажные брюки, светлые сатиновые трусы, – прочитал Руденко. На ногах коричневые бумажные носки и домашние шлепанцы с кожаным верхом. В левом кармане брюк обнаружены: коробок спичек, ключи от квартиры на металлическом кольце, пластмассовая пробка от бутылки, окурки сигареты без марки.

В правом кармане обнаружены: нож выкидной кнопочный с синей пластмассовой ручкой, белая пуговица от рубашки, три зубчика чеснока, стержень шариковой ручки. На ощупь труп холодный. Трупные пятна лилового цвета усматриваются на правой стороне тела, при надавливании пятна бледнеют. Гнилостные изменения выражены не сильно. Кожа бледная, глаза открыты, веки синюшные. У левой ушной раковины кровоподтек лилового цвета размером 4 на 8 сантиметров. В левом ушном ходе запекшаяся кровь, ушная раковина уплотнена. Рот открыт. Язык находится в полости рта, где имеются сгустки крови, а также тополиный пух. В отверстиях носа кровь в виде свертков».

* * *

Руденко перестал читать. Вот они на столе, три зубчика чеснока, пробка, полупустой стержень, ключи, пуговица, окурки и выкидной нож. Руденко повертел в руках нож, нажал хромированную кнопку. Щелкнула пружина, из ручки выскочило хромированное десятисантиметровое лезвие. Руденко дотронулся до острия лезвия, провел подушечкой пальца по клинку. Нож фирменный чешский «Миров», не слишком дорогой, но надежный, прочный, сталь долго держит двойную заточку.

Осипов, находясь дома, в родных стенах, держал нож в правом кармане брюк. Почему? Хозяин квартиры был слишком пьян, чтобы надеяться на свои тяжелые кулаки? Он опасался своих собутыльников? Допустим. Но в таком случае, зачем пьянствовать с людьми, которым не только не доверяешь, которых опасаясь? Зачем приглашать опасных людей в свой дом? Все это очень нелогично, даже с поправкой на замутненное алкоголем сознание бывшего боксера.

Руденко посмотрел на припорошенный тополиным пухом труп так внимательно, словно надеялся, сей же момент услышать от Осипова ответы на свои вопросы. Тишина. Мда, народ, как всегда, безмолвствует. Видимо, события развивались так: Осипова несколько раз ударили тяжелым предметом по лицу и по затылку.

А затем, когда он оказался на полу, отключился, дважды пырнули кухонным ножом в левую сторону груди, в аккурат под пятое ребро. Нож, то есть орудие убийства, не найден. Тут возможны варианты. Скорее всего, его кинули в мусорный бак или опустили под решетку ливневой канализации.

Мотив убийства? Десять к одному: бытовая ссора. Собутыльники не сошлись во мнении по такому важному вопросу, кому достанется последний глоток водки. Короткое выяснение отношений и трагический финал застолья: парка дырок в груди Осипова.

Со своего места Руденко видел, как незапертая дверь квартиры открылась. В прихожую неуверенно ступил щуплый молодой человек в короткой серой курточке, очках в металлической оправе. Видимо, тот самый Пикин, собутыльник. Участковый Поваляев, вошедший следом, толкнул Пикина в спину, придавая его движению некоторое ускорение и правильное направление.

* * *

– Вон, в комнату, – рявкнул Поваляев и снова толкнул Пикина.

– Здравствуйте.

Пикин шагнул в комнату, глянул на труп Осипова и быстро отвел глаза в сторону.

– Садись, – Руденко рукой показал Пикину на свободный стул и кивнул участковому. – Ты пока на кухне посиди. И дверь закрой.

Поваляев снял фуражку, понимая кивнул и плотно закрыл за собой дверь. Пикин повернул стул спинкой к покойному Осипову, осторожно присел на край сиденья, выставил голову вперед, отвел локти за спину, поджал ноги под себя.

– Ты Пикин?

Руденко внимательно осмотрел скорчившегося на стуле молодого человека, сразу решив, что Пикин не убийца. Покойный боксер, даже будучи совершенно пьяным, легким шлепком по заднице отправил бы такого кандидата в глубокий нокаут.

– Да, я Пикин, – пискнул Пикин.

– Чего морщишься, нехороший тут запах? Тяжелый, да?

– Тяжелый, – тонкие ноздри Пикина затрепетали, глаза за стеклами очков увлажнились. – Пахнет нехорошо, и мухи со всех помоек налетели.

– А в субботу тут была веселая вечеринка, – Руденко улыбнулся. – Жалко, что ты не заглянул. Или я не прав? Ты заскочил сюда, ну, на огонек?

– Меня тут не было.

Пикин вытер мокрый лоб рукавом курточки.

– Врешь, – продолжая доброжелательно улыбаться, Руденко покачал головой. – Ты алкаш. А все алкаши склонны к вранью.

– Я не алкаш, – не согласился Пикин. – Просто мне не повезло в жизни: я женился не на той женщине. Моя жена шлюха, – Пикин вдруг испугался последнего слова. – То есть, как

бы это правильно, грамотно сказать... Она ведет распутный образ жизни. Поэтому я иногда выпиваю.

– А работать ты не пробовал?

– Пробовал, – кивнул Пикин. – Не раз пробовал. Но не нашел счастья в труде.

– Ничего, дурные привычки излечимы. Возможно, тюрьма и зона пойдут тебе на пользу. Там ты забудешь о своей жене шлюхе, о пьянстве и, наконец, найдешь счастье в тяжелом труде. Спрашиваю ещё раз: ты был здесь в субботу?

– Был. Только я его не убивал. Клянусь. Вы мне верите?

– Разумеется. Не верю.

– Осипов сам покончил с собой. Он сколько раз говорил, что жить не хочет. Сам говорил: я повешусь или зарежусь. Он сам это над собой сотворил.

Руденко хохотнул.

– Согласен с тобой. Осипов сам себя избил. Затем лег на пол и ножом нанес себе два ранения в грудь. Каждое из которых – смертельное. То есть второй раз зарезал себя, будучи уже мертвым. Затем он выбросил нож, вернулся на прежнее место, – Руденко кивнул на труп. – И умер в третий раз. Уже окончательно. Так ты представляешь себе эту сценку?

Пикин пожал плечами и опустил взгляд.

– Думаю, тут, в этой комнате, полно твоих пальцев, – Руденко закинул ногу на ногу. – Так что, не беспокойся, обвинение в убийстве тебе предъявят в установленный законом срок.

Пикин вздрогнул, как от удара.

– Я не убивал.

– Это ты уже говорил. Предупреждаю, ещё слово лжи, и я вырву тебе челюсть. Каково жить без челюсти? Хреново без нее. Ну, со временем ты научишься разговаривать через задницу, а пищу станешь употреблять только в протертом виде. Жевать-то все равно нечем.

– Я скажу... Я хочу... Я не вру...

Руденко с брезгливой ухмылкой разглядывал пребывавшего в полуобморочном состоянии Пикина. Капли пота скатываются с острого подбородка на куртку, глаза сияют лунатическим блеском, руки дрожат, как в ознобе. Того и гляди, изойдет потом и превратится в соленую лужицу на полу или замертво свалится со стула. То ли и дальше продолжать этот разговор, то ли отложить это дело до лучших времен, а Пикину принести кислородную подушку.

– Успокойтесь, Пикин, – сказал Руденко. – Расскажите все по порядку.

– Я в субботу пришел сюда, – тополиный пух попадал в рот, мешал говорить. – Дело было во второй половине дня. Осипов открыл дверь, я прошел в комнату. А за столом сидит мужик, совершенно незнакомый. Тут я его раньше никогда не видел. Видимо, промеж них был какой-то разговор. Осипов был чем-то расстроен, но он обрадовался моему приходу. Но я-то понял, что пришел не вовремя.

– Но ты ведь не ушел сразу? Ты посидел здесь какое-то время?

– Посидел минут десять. Но с моим появлением разговор оборвался. Так, общие фразы только. Ясно, что я лишний. Осипов называл гостя Максимом. И фамилию называл... Только я забыл. Может, потом вспомню. Мне налили полстакана, и я пошел по своим делам. А тот мужик, когда я вышел в прихожую, встал из-за стола, подошел ко мне и так тихо говорит: ты, мол, здесь не был, никого не видел, понял? Я говорю, понял. Вот и все.

– Ты хорошо запомнил этого мужика?

– Хорошо запомнил, – Пикин часто кивал головой. – Лет тридцать с небольшим. Довольно крупный. Похож на спортсмена. Плечи широкие, подтянутый. Одет чисто...

– Вот видишь, посвежела твоя память. Сейчас проедешь с ними на Петровку. Все расскажешь подробно. Посмотришь альбомы. Может, узнаешь этого мужика.

– Вы меня арестовываете?

Голос Пикина сделался совсем тонким, беспокойные руки бессильно упали вниз.

– Не арестовываю, а задерживаю до выяснения обстоятельств.

– А я вспомнил фамилию этого гостя, – сказал Пикин. – Тарасов – вот его фамилия. Осипов один раз назвал его по фамилии. Может, хотел, чтобы я фамилию запомнил.

* * *

Закончилось второе действие спектакля. Со сцены раздались финальные реплики артистов, занавес опустился, наступила тишина. Локтев, уже уставший волноваться, пребывал в полубомбочном состоянии. Он, облаченный темный фрак и галстук бабочку, привалившись спиной к стене, стоял за кулисами, то и дело подносил ко лбу пропитанный солью платок.

Вспотевший от жары, от духоты, от затянувшегося напряженного ожидания, Локтев ждет приговора зрителей, ждал решения своей судьбы, судьбы своей пьесы. Рядом, не находя себе места, молча метался из стороны в сторону главный режиссер Старостин. Он тоже ждал приговора своему спектаклю.

Зал, возможно, разочарованный, возможно, потрясенный, молчит. Тишина, гулкая тишина. Шаги актеров, чей-то шепот, короткие неразборчивые реплики.

Первые хлопки зала, робкие, одиночные. Но шум быстро растет, раздаются настоящие аплодисменты. Они становятся громче, прокатываются эхом по залу. Занавес поднимается. На поклон спешат артисты, за ними на сцену выскакивает главный режиссер, нутром почувствовавший: это успех. Не просто успех, триумф, фурор.

«Автора, автора», – кричат из зала.

Режиссер, покрасневший от долгих поклонов, выбегает со сцены за кулисы, хватается Локтева за рукав фрака, тянет за собой: «Ну, пойдемте же, Алексей Павлович, пойдемте». Локтев выходит из своего закутка к актерам. На секунду ослепший от яркого света софитов, он, не зная, что в данный момент прилично делать автору пьесы, долго стоит посередине сцены. Наконец, отвешивает публике три глубоких поклона, снова наклоняется вперед, принимая букет желтых роз.

Зрители, продолжая аплодировать, поднимаются со своих мест. Но тут в зале происходит какое-то неуловимое движение, какая-то невидимая перемена, вдруг раздается знакомый голос. Женщина из первого ряда, возбужденно жестикулируя, что-то громко кричит.

Аплодисменты стихают, женщина продолжает кричать. Локтев вглядывается в зал, вслушивается в слова. Женщина подходит к сцене, показывает пальцем на Локтева. «Он убийца, а не драматург. Он убийца», – кричит женщина.

Локтев выпускает из рук букет желтых роз, он узнает в женщине недавнюю ночную пассажирку.

«Он убил человека. Я сама видела, как он убил человека», – продолжает надрываться женщина. Крик тонкий, истошный, его и на улице, должно быть, слышно. Артисты разбегаются в стороны. Только режиссер Старостин, не понимая, в чем дело, стоит рядом и удивленно пучит глаза. Наконец, он хватается за лысую голову, закрывает ладонями уши и, быстро двигая короткими толстыми ножками, мчится вслед за артистами.

На сцене остается один Локтев. Он хочет уйти, но ноги не слушаются. В зале шум, свист, крики. «Он убийца», – кричат люди. Локтев бледнеет, он плачет, хочется провалиться сквозь землю, хочется умереть. «Убийца, убийца», – кричат зрители. – Верните наши деньги...»

...Локтев сорвал с себя простыню, сел на разложенном диване, потряс головой, силясь стряхнуть с себя ночной кошмар, ключья дремоты. Который час? Он взглянул на настенный часы, ровно полдень. Солнечный свет пробивается сквозь плотно задернутые занавески. Локтев провел ладонью по липкой потной груди, поднялся на ноги, снял трубку телефона,

набрал номер и, услышав знакомый голос режиссерской секретарши, попросил позвать Старостина к телефону.

– Герман Семенович, я не смогу сегодня придти, – сказал Локтев вместо приветствия.

– Это ещё почему? – трубка фыркнула. – Сегодня же художественный совет, мы утверждаем твою пьесу. Ты помнишь об этом?

– Помню, поэтому и звоню.

– Ты что, плохо себя чувствуешь?

– Да не то, чтобы плохо, – Локтев постарался собрать мысли, но они разбегались, как тараканы. – Но и не очень хорошо.

– Не очень хорошо, – передразнил Старостин. – Сегодня такой день, такой день... Решающий для тебя день. Ты должен быть в театре, как штык. Понимаешь?

– Понимаю, но я не могу. Может, вы все решите без меня?

– Твою пьесу могут не утвердить, – голос Старостина потускнел. – Спросят: где автор, где наш драматург. Смотри, конечно, но на твоём месте, я бы пришел и, будучи даже мертвым.

– Я, правда, не могу, хотя ещё и не мертвый. Я заболел.

– Ну, ты и выбрал день, чтобы заболеть. А подождать не мог с этим делом?

– Прошу вас, замолвите за меня словечко.

– Боюсь, члены худсовета тебя не поймут.

Старостин бросил трубку.

Локтев принял холодный душ, растерся ворсистым полотенцем. Он прошел на кухню, выпил чашку кофе и попытался съесть пару бутербродов, но еда не лезла в горло. Надев темные брюки и светлую безрукавку, он запер квартиру, спустился вниз. Добежав до остановки, вскочил в отправляющийся троллейбус, покотивший по раскаленной солнцем улочке.

* * *

Войдя на территорию гаражного кооператива «Чайка», Локтев бросил взгляд на дремавшего в будке охранника, прошагал вдоль длинного ряда гаражей, упировавшегося в глухой железобетонный забор. Он открыл навесной замок своего бокса и, распахнув настежь обшитые оцинкованным железом ворота, на минуту остановился, разглядывая передок «шестерки».

Надо же, правая фара разбита. Небольшая вмятина на решетке радиатора, переднем бампере и ещё на капоте. Мелкие брызги крови на лобовом стекле. Нынешней ночью, когда Локтев загонял машину в гараж, он даже не нашел сил, чтобы осмотреть повреждения.

Скверно. Значит, осколки фарного стекла остались на месте столкновения. Если так, то милиции известно, какую именно машину следует искать. Но это далеко не простая задача: найти в Москве «шестерку» с характерными повреждениями, проще иголку в стоге сена сыскать.

И свидетелей не было. Если не считать той беспамятной истеричной пассажирки, сбежавшей неизвестно куда. Если она, поразмыслив на досуге, все-таки решит обратиться в милицию, тогда... Что, собственно, тогда произойдет? Для начала Локтева задержат и поместят в следственный изолятор, в переполненную камеру, где в нестерпимой жаре и духоте спят, жуют, испражняются герои нашего времени: бандиты, воры, аферисты, убийцы.

Локтев, покорный злему року, разуется, во все сознается, все подпишет и станет ждать суда. Долгие недели, долгие месяцы, ждать и ждать, мечтая только об одном: скорее попасть из ада тюремной камеры на зону.

Разумеется, судьи примут во внимание, что Локтев за свою жизнь ни разу не привлекался, даже приводов не имел. Интеллигент, высшее гуманитарное образование, драматург,

пытается сочинять пьесы для московских театров. Правда, ни одну из этих пьес ещё не поставили, но это к делу не относится...

Судьи все учтут и сбросят годик лагерного срока. А дальше? Колочая проволока, трехметровый забор, запретная зона, долгий срок, испорченное пищеварение, потерянные зубы. Туберкулез, в конце концов. Возможно, он выживет, выкарабкается, вернется обратно. Без здоровья, без денег, без веры в себя, но вернется.

Но куда, к кому, к чему он вернется? К разбитому корыту, к разбитой жизни. Конец карьеры драматурга, тщеславным амбициям. Всему конец. Короче – мрак. А что, есть другие сценарии собственного будущего? Нет, других вариантов не видится, только этот, единственный, – честно признался себе Локтев. Но о нем лучше не думать.

Женщина была слишком напугана, потрясена происшедшим. Даже если она и решит идти в милицию, то наверняка сообщит лишь самые общие приметы водителя. Сколько в городе мужчин лет тридцати-сорока, русоволосых, чуть выше среднего роста? Тысячи, десятки тысяч. Ищи, свищи... Женщина была не в том состоянии, чтобы запомнить номер машины, тут уж не до номера.

Если бы не было пассажирки, не было этой бестолковой бабы... Тогда и карты в руки, тогда бы вышел совсем другой расклад. Машину следовало бы оставить, где угодно, в любом районе города, добраться до дома на такси.

А наутро отправиться в милицию, написать заявление об угоне: вечером не отгонял машину в гараж, оставил её у подъезда, утром транспортного средства на месте не обнаружил. Что-нибудь из этой оперы. Машину украли, затем преступники совершили наезд на пешехода и, напуганные случившимся, бросили её прямо на дороге. А Локтев в это время спал и видел двадцать седьмой сон. Но женщина есть, в любую минуту она может отыскаться, тогда обман откроется... И уже не жди поблажек ни от следствия, ни от суда.

Боже, кажется, все это происходит вовсе не с ним, с другим посторонним человеком. Проклятье, только одна минута трусости. Только одна минута малодушия – и вся прожитая жизнь летит к черту.

Но сейчас не до рассуждений.

Локтев достал с металлической полки мягкую тряпку, насыпал из пачки стирального порошка в десятилитровое ведро. Он помоеет машину, тщательно, от и до. Затем отправится в магазин и вернется сюда с новой фарой, краской и распылителем. К вечеру, пожалуй, успеет выправить решетку радиатора, вмятины на капоте и переднем бампере. Небольшая рихтовка – и готово. И фару ещё успеет поставить. А завтра перекрасит машину из красного, скажем, в светло бежевый цвет. Неброско и смотрится.

Локтев подхватил ведро и отправился на колонку набирать воду. Когда он вернулся с ведром полным воды, у распахнутых ворот гаража топтались два милиционера. Старший сержант и лейтенант. Локтев остановился, поставил ведро на землю. Лейтенант упер ладони в бока и недобро глянул на Локтева.

– Ваша машина?

Локтев, уже понявший, что случилось самое худшее из того, что вообще могло случиться, молча кивнул головой.

– Документы сюда, – лейтенант протянул вперед руку.

Покопавшись в кармане, Локтев передал милиционеру паспорт и водительские права. Подумав секунду, выплеснул на землю ведро воды, вытер руки о рубашку.

– Запирайте гараж и следуйте за мной к машине, – приказал лейтенант.

...Локтева продержали в отделении милиции двое суток и выпустили под подписку о невыезде. На трех допросах, Локтев честно рассказал все, что мог рассказать.

– Что мне теперь делать? – спросил Локтев у молодого следователя.

– Будьте дома, я вас скоро вызову.

Следователь обманул Локтева. Больше в отделение милиции его не вызывали. Зато через четыре дня позвонил незнакомый мужчина, представился инспектором МУРа Максимом Юрьевичем Руденко и велел прибыть к десяти утра следующего дня по адресу, знакомому любому москвичу.

Глава третья

В солнечный летний день Локтев, пешком направляясь от центра города в Замоскворечье, остановился на середине моста, не для того, чтобы наслаждаться прекрасными видами древней столицы. Он провел все утро в казенном доме на Петровке 38, где пришлось отвечать на самые унижительные, с каверзной подковыркой вопросы, давать показания, выслушивать угрозы и оскорбления. Теперь Локтев испытывал лишь тяжесть в ногах и пустоту в душе. Хотелось передохнуть.

Положив ладони на чугунные перила, Локтев бездумным взглядом уставился вдаль. Крыши дальних домов расплывались в знойном мареве, казалось, поверх них текла прозрачная небесная река, размывавшая четкие очертания фасадов и крыш. Город растекался на глазах, таял в жарком мареве, как сливочный пломбир. Локтев на несколько секунду зажмурил глаза, вдруг заболевшие от слишком яркого света.

Он вздохнул, стал разглядывать почти гладкую поверхность реки. Мутная серо-зеленая вода, казалось, вот зацветет. Интересно, глубоко ли в этом месте? Наверное, не мелко. Впрочем, это не имеет значения, чтобы утонуть хватит и лужи.

«Прохладные воды влекли его, сулили вечный покой, избавление от тягот жизни, земных забот, обещали вечное забвение, – сказал самому себе Локтев и, немного подумав, добавил. – Неудачный день. Вода сегодня слишком грязная, чтобы топиться». Действительно, на поверхности Москвы-реки болтались бумажные стаканчики, прозрачная бутылка из-под газировки, какая-то бесформенная дрянь, то ли раскисшая коробка из-под торта, то ли светлый женский парик. Локтев, перевесившись через перила, плюнул вниз.

Белый плевок, подхваченный ветром, улетел неизвестно куда.

Топиться не имеет смысла. Потому что самое худшее уже случилось. Потому что он уже утонул. Пустил предсмертные пузыри, но даже не в реке утонул. Именно в луже, грязной, протухшей луже.

* * *

Судя по всему, следователь Максим Юрьевич Руденко с раннего утра пребывал в недобром расположении духа. Он хмурился, приглаживал ладонью темные коротко стриженные волосы, то и дело расстегивал и застегивал верхнюю пуговицу светлой безрукавки и всякий раз перед тем, как задать новый вопрос, выдерживал долгую зловещую паузу. Когда следователь в очередной раз надолго замолчал, Локтев сам решился на вопрос.

– Можно вас спросить?

– Ну, спрашивай.

– Обстоятельства этого происшествия расследовали в РУВД, и вдруг меня вызывают сюда, на Петровку. Так вот, хотел узнать: в связи с чем так вырос, как бы это сказать, статус моего дела?

– В связи с чем?

Руденко, кажется, удивился такому вопросу.

– И он ещё спрашивает. В связи с тем, что все это очень серьезно. Ты совершил тяжкое преступление, сбил человека. Насмерть. А потом смылся с места происшествия, даже не оказал пострадавшему помощь. Не доставил его в больницу.

– Я не умею оказывать помощь покойникам. В тот момент, когда я вылез из своей машины, этот мужик был уже мертв. Его мозги, они валялись...

– Хватит этой демагогии. Ты убил человека и скрылся. Ты, умник, думал, тебя не найдут?

– Думал, не найдут, – признался Локтев.

– Напрасно так думал. Твое будущее, оно напечатано в одной интереснейшей книжке. Загляни в Уголовный кодекс, статьи двести шестьдесят четвертые и двести шестьдесят пятые. Считай, верных пять лет имеешь. И никаких поблажек от суда – на это даже не рассчитывать. Никаких амнистий или досрочного освобождения. Не тешь себя иллюзиями.

Локтев молчал, раздумывая над ответом следователя. Зачем сотрудник уголовного розыска, видимо, заваленный другими неотложными, более важными делами, чем дорожное происшествие со смертельным исходом, вдруг затребовал дело Локтева? Всю эту писанину запросто могли выполнить следователи из райотдела. Снять показания, заполнить протоколы. Локтев не отпирается, он честно отвечает на вопросы.

Значит, избличать преступника, выводить его на чистую воду, просто нет надобности. Все просто как куриное яйцо, как апельсин. Темная улица, сбитый пешеход... Водитель скрывается с места происшествия, пытается замести следы. И, конечно же, его берут тепленьким. Конец фильма.

А далее короткое следствие, скорый суд, справедливый приговор. И тем не менее. Следствие почему-то затягивается. Материалы дела переезжают из местного РУВД на Петровку. Муровский сыщик с неожиданным рвением принимается исследовать обстоятельства уже раскрытого преступления.

Что– то здесь не так. Не сходятся концы с концами.

Руденко зашуршал бумагами, перевернул мелко исписанную страницу и стал водить пальцем по ровным строчкам.

– Это показания, которые ты дал в РУВД, – сказал он. – Ты утверждаешь, цитирую: «Я ехал со скоростью пятьдесят километров в час. Подъезжая к месту происшествия на Каскадной улице, заметил пешехода на правой обочине возле кромки асфальта. Пешеход находился примерно на расстоянии десяти метров от машины. Он перебежал проезжую часть магистрали. Я не успел подать звуковой сигнал, но затормозил и попытался объехать пешехода, вывернув руль в сторону. Однако сбил его бампером автомобиля. Проехав ещё десяток метров, автомобиль остановился. Я не имел возможности предотвратить наезд, поскольку расстояние от машины до пешехода было небольшим». Все правильно?

– Правильно, – кивнул Локтев. – Этот человек как из-под земли вырос. Я не успел ничего сделать.

– Ответ принимается, – Руденко криво усмехнулся. – Кстати, ты тут расписался, что предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Вижу, память у тебя короткая, вот и решил её освежить, ещё раз об этом напомнить, об ответственности. Теперь вопрос: ты вспомнил что-нибудь новое об обстоятельствах своего преступления?

– Я все рассказал ещё следователю РУВД.

Руденко сжал губы, перевернул ещё одну страницу протокола. Локтев, почувствовав, что в кабинете становится жарко, заерзал на стуле.

– Ладно, пока я добрый, давай вспоминать вместе. Только заруби на своем прекрасном носу: моя доброта не беспредельна, она вот-вот кончится. И тогда промеж нас будет другой разговор. Итак, вот показания гражданки Приходько, той пассажирки, что сидела с тобой рядышком, когда ты задавил человека.

– Гражданки Приходько? – тупо переспросил Локтев, вспоминая темноволосую бабенку в короткой кофточке на бретельках.

– Читаю её показания: «Я видела, как пешеход вышел на правую обочину и стал медленно пересекать проезжую часть. Водитель Локтев, занятый разговором со мной, заметил человека, когда машина находилась слишком близко от пострадавшего. Пешеход вышел на проезжую часть, где был сбит автомобилем. Водитель не успел снизить скорость или объехать пешехода, так как постоянно отвлекался от дороги и разговаривал с пассажиркой, то

есть со мной. Скорость автомобиля при наезде на пешехода составляла не менее 90 километров в час. Я являюсь автомобилисткой, имею права на управление транспортным средством и берусь твердо утверждать, что виновником аварии является гражданин Локтев находившийся за рулем машины». Ну что, нравится?

– Не нравится, – честно признался Локтев.

– А теперь сюрприз.

Руденко встал из-за стола, распахнул дверь в коридор и кого-то позвал. Через несколько мгновений порог кабинета переступила та самая женщина, которую Локтев подвозил той злополучной ночью. На этот раз Приходько была одета в строгий серый костюм и белую блузку. Она уселась за стол напротив Локтева, раскрыла сумочку и, не спрашивая разрешения, закурила. Локтев вжался в стул. Руденко, довольный произведенным эффектом, улыбался.

– Только раз бывает в жизни встреча, – сказал он. – А теперь вопрос для протокола. Вы, гражданка Приходько, узнаете этого человека?

Приходько усмехнулась и стряхнула пепел на пол.

– Узнаю. Этот черт гнутый... Это человек, в машине которого я находилась в тот момент, когда он превысил скорость. Затем сбил пешехода и потом смылся.

Приходько посмотрела на Локтева брезгливо, как на раздавленную лягушку. Затем она глубоко затянулась сигаретой и пустила струйку дыма в лицо Локтева.

– Исчерпывающий ответ, – сказал Руденко.

Он что-то начирикал у себя в бумагах, дал женщине расписаться и, поблагодарив, проводил её до двери. Вернувшись на место, он потянулся до хруста в костях.

– Так-то. Ты думал, что подвозил блядь с Тверской – и ошибся. Думал, что маруха будет молчать – и опять ошибся. Что ты за человек, все время ошибаешься? Просто ты настоящий неудачник. Классический. Эта женщина сотрудник милиции. Приехала к нам на летнюю стажировку из Саратова. Она срисовала номер твоей тачки уже, когда в неё садилась. Профессиональная память, дуралей ты этакий.

Руденко рассмеялся так весело, будто сказал что-то очень смешное. Локтев достал из кармана носовой платок.

– Что вы хотите от меня?

– Чтобы ты взял листок бумаги и написал на нем правду.

Руденко встал из-за стола, подошел к Локтеву и положил перед ним тонкую стопку бумаги. Локтев запустил руку во внутренний карман пиджака, вытащил шариковую ручку и, склонясь над столом, стал нервно покусывать её кончик. Руденко курил, меряя неторопливыми шагами кабинет.

– Что, пьесы выдумывать легче, чем писать правду?

– Я просто не знаю, что писать.

– Тогда слушай и пиши так. Сверху: имя, фамилия, год и место рождения. Посередине страницы: чистосердечное признание. Я такой-то, показываю, что прежде был неискренен на допросе и говорил неправду. Признаю, что, управляя машиной в момент наезда на пешехода, значительно превысил допустимую на данном участке дороги скорость. Находясь за рулем, я отвлекался на посторонние разговоры с пассажиркой, которая находилась рядом со мной в кабине, поэтому не следил за дорогой. Пешехода увидел слишком поздно и не успел снизить скорость, затормозить и избежать столкновения.

– Может, написать «наезда»?

– Без разницы. После аварии я не оказал помощи пострадавшему и с места происшествия скрылся. Впоследствии, чтобы избежать ответственности за совершенные преступления, пытался самостоятельно исправить дефекты, полученные автомобилем в результате наезда на пешехода. Свою вину признаю полностью и раскаиваюсь в содеянном. Так, напи-

сал? Ну, так и быть. Можешь добавить ещё и такую фразу. Наезд на пешехода совершил неумышленно. Число, подпись.

Руденко взял из рук Локтева листок, сел за стол, положив бумагу перед собой, внимательно прочитал написанное.

– На вашем месте я обратился бы к адвокату, – сказал он.

– Человек, который подрабатывает частным извозом, вряд ли может позволить себе хорошего адвоката, – Локтев ощущал в душе космическую пустоту. – Я нахожусь в весьма стесненных условиях. Живу скромно. Как вы знаете, машина у меня «Жигули» и квартира соответствующая... Чуть больше салона «Жигулей».

– Я не сказал хорошего адвоката.

– Плохого адвоката нанять тем более не могу. Пустая трата денег. Скажите, – Локтев сделал долгую паузу, решая, как лучше сформулировать свой вопрос, – скажите, а кем был покойный?

– Человеком он был, хорошим добрым человеком, тружеником и семьянином, – отрывисто ответил Руденко. – Игнатов Василий Васильевич, тридцати восьми лет. Образование высшее техническое. Работал главным технологом на одном из московских заводов. Всю жизнь на этом месте. Только одна запись в трудовой книжке. Женат, имеет троих детей. Детей ты оставил сиротами, жену вдовой. Вот взгляни.

Покопавшись в ящике стола, Руденко вытащил фотографию и протянул её Локтеву. Тот поднес снимок ближе к глазам. На фоне восточного ковра на диване сидела простоволосая женщина неопределенных лет, слева от неё две похожие друг на друга, как две капли воды, девочки лет двенадцати в школьной форме, видимо, близняшки. П

По правую руку от женщины, положив руки на колени и гордо вскинув лохматую голову, восседал подросток лет шестнадцати с прыщавой физиономией. Локтев проглотил застрявший в горле горько соленый комок и передал фотографию обратно следователю.

В эту минуту он не мог произнести ни слова.

– Это семья убитого тобой человека, семья Игнатова, – пояснил Руденко. – Теперь неполная семья. Вдова работает воспитательницей в детском саду. Нелегко ей будет одной троих детей поднимать. Вот что ты наделал. Я разговаривал с этой женщиной... Ладно, это к делу отношения не имеет.

– Прошу вас, дайте мне адрес или телефон вдовы, – выдавил из себя Локтев. – Я совсем небогатый человек, но я сделаю все, чтобы помочь этим людям. Материально помочь.

– И ты думаешь, эта женщина возьмет от тебя хотя бы копейку? От тебя, от убийцы её мужа, убийцы отца её детей? Да она быстрее с голову умрет. И если ты только сунешься на порог её квартиры, она проломит твою пустую башку утюгом. Знаешь, что будет для тебя самым трудным на суде? Нет, не выслушать обвинительный приговор. Это только семечки. Самым трудным будет посмотреть в глаза этой женщине, жизнь которой ты разбил, изувечил. А она... Она просто подойдет к скамье подсудимых и плюнет в твою гнусную морду. И дети подойдут плюнуть. По очереди. Это её слова, не мои, это её обещание. А ты будешь утираться.

Локтев, живо представляя себе будущие нравственные страдания и унижения, до боли сжал виски ладонями.

– Что мне делать, что же мне делать? – спросил он то ли себя самого, то ли Руденко.

* * *

– В принципе помочь тебе можно.

Следователь вытянул ноги под столом, стянул слишком тесные, жавшие в подъеме ботинки и неожиданно перешел на «вы».

– Можно, так сказать, облегчить вашу участь. Но здесь одного моего желания мало. Лично я искренне симпатизирую вам, Алексей Евгеньевич. Вы интеллигентный человек с высшим образованием, драматург, две ваши пьесы поставил областной театр. И это, уверен, лишь начало вашего блестящего творческого пути. Только начало. Вы приехали покорять столицу, приехали за большим успехом, за громкой славой. Я правильно излагаю? Поправьте меня, если я ошибаюсь.

– Все правильно, – кивнул Локтев, уже утративший способность живо соображать и мыслить логически. – Я рассчитывал поставить две своих пьесы в московских театрах.

– Вот видите, – Руденко понимающе покачал головой и грустно улыбнулся. – У вас впереди вся жизнь, долгая и прекрасная, как блоковская незнакомка. Прямо за поворотом большая удача и, надо полагать, большие деньги. Вам просто позавидовать можно. И тут это дорожное происшествие, эта досадная накладка. И что этого мужика, этого сбитого пешехода ночью выгнало на улицу? Спал бы себе под боком у жены, так нет, пошел бродить, приключения искать на свою задницу. Просто злой рок бросил его вам под колеса. Обидно, правда?

– Не то слово, – вздохнул Локтев.

– Вот и я говорю, обидно.

Руденко так горько покачал головой, будто неотступаящая ни на секунду обида жгла, бредила и его душу.

– Но мы, муровцы, не слепые монстры, мы разбираемся в людях. Я сочувствую и хочу вам помочь. Сидел бы на вашем месте какой-нибудь неполноценный Гаврила с тремя классами, коридором и судимостью – разговора этого откровенного между нами не состоялось. А вы другое дело, вы настоящий интеллигент. Короче, помочь можно. Трудно, очень трудно, но можно. Но и от вас потребуется ответный шаг. Потребуется взаимная симпатия. Вы ведь на стороне закона? Вы ведь по нашу сторону баррикад?

– Разумеется, разумеется, – закивал головой Локтев, плохо понимавший суть иносказаний Руденко. – Я по нашу, то есть, по вашу сторону баррикад.

– Тогда сделаем так, это дело, – Руденко с чувством хлопнул ладонью по папке, – я постараюсь тормознуть. А вы напишите мне одну бумажку. Агентурная подписка, так эта бумажка называется. Мол, так и так, я, Локтев, выражаю желание стать внештатным осведомителем...

Локтева вздрогнул. До него, наконец, дошло, куда клонит Руденко.

– Я не буду писать никаких расписок, подписок. Не буду.

– Чудак-человек, – Руденко легко, без усилия рассмеялся. – Вы даже не поняли, что вам предлагают, а уже отказываетесь. Представьте: вы будете жить так, как жили раньше. Забудете это дорожное происшествие, как ночной кошмар. Не было ничего – и точка. Пишите пьесы, становитесь известным драматургом – лично я это даже приветствую. Взамен от вас не требуется ничего или почти ничего. Пару, тройку раз в месяц составите бумажку.

– Я не буду составлять бумажки.

Руденко не слышал возражений.

– Вы ведь возвращаетесь в театральной среде. А это настоящий рассадник преступности. Ее питательный бульон. Все эти театральные деятели, как на подбор наркоманы, пидрилы, психи долбанные. Бери любого и мотай срок – не ошибешься. А вы будете давать сигнал. Где-то что-то увидели или услышали... Понимаете? Я рад любой информации. Кроме того, ваши услуги будут оплачены. Деньги небольшие, но и они не будут лишними. И, кстати, приходить сюда не надо, избави Бог. Будем встречаться на улице, в сквере, где хотите. Где вам удобно.

– Я сигнализировать...

Локтев не договорил, от волнения запершило в горле, он закашлялся.

– Я ничего составлять не стану, никаких бумаг. Писать доносы не обучен.

Руденко сделался грустным.

– Как знаете. Если хотите променять блестящую карьеру драматурга на тюремную шконку и все прочие прелести тамошней жизни – валяйте, это ваше право. Я только хотел помочь. Я понимаю внутренние мотивы вашего отказа... Вы боитесь огласки, боитесь, что о нашем сотрудничестве узнают, например, товарищи, друзья. Напрасно. Об этом будут знать только два человека: вы и я. И все. Мои коллеги, даже мой непосредственный начальник, даже начальник МУРа, начальник ГУВД, не будут знать вашего подлинного имени. Только псевдоним. Мы придумаем вам псевдоним.

Руденко посмотрел на подоконник. В цветочном горшке, в сухой, как пепел, земле доживал последние дни, засыхал на глазах желтоватый сморщенный кактус. Руденко, прищурившись, долго разглядывал растение, словно оценивал его шансы на жизнь. Шансы, если кактус не полить сегодня же, равны нулю. Кактус погибает.

– Постойте, – Руденко поднял кверху палец. – Псевдоним я уже придумал: кактус. Есть в этом псевдониме глубокий философский смысл. Кактус, прорастая вглубь земли своим длинным корнем, стремится найти воду. А вы стремитесь найти нужную следственным органам информацию. Символично. Как вам нравится этот псевдоним: кактус? Будете подписывать этим словом свои сообщения. Ничего псевдоним? Кактус... Пишется с большой буквы.

– Я не стану подписывать словом «кактус» никаких сообщений, – помотал головой Локтев. – Я вот что сделаю: получу свой срок и отсижу его.

– Вот ты, значит, как запел, – Руденко поджал бескровные губы. – Значит, по-хорошему ты не понимаешь? Какая же ты все-таки тварь и мразь. У тебя сейчас подписка о невыезде. Добрый тебе следователь попался. Ничего, меру пресечения можно изменить. В камере ты быстро поумнееешь. Станешь проситься на допрос. Но я тебя подержу в изоляторе. Месяц, другой, третий... Ну, что ты смотришь на меня, как бабья писька?

Локтев не ответил, он наклонил голову вперед и сжал зубы.

– И разговоров у нас приятных больше не состоится, – продолжал Руденко. – Впереди только серьезные беседы. Ты ещё не понимаешь, что это такое. Но поймешь. Когда ты обосрешься, я не позволю тебе сменить штаны. А когда у тебя пойдет кровь изо рта и из ушей, я не вызову врача, чтобы её остановить. Так и сдохнешь в собственно говне и крови. А если и не сразу сдохнешь, то уже на следующий день будешь ссать кровью и кончать камнями из почек. Ему предлагаешь сотрудничество. Другой бы от радости прыгал, а он жопой крутит. Неблагодарный ты хер.

Руденко надолго замолчал, остановив взгляд на желтом кактусе.

– Ладно, – наконец, сказал он. – Я немного погорячился. Но и вы тоже хороши. Уперлись... В следующий раз мы встретимся через четыре дня. Здесь же, в десять часов. Вот повестка. Давайте пропуск, подпишу. Четыре дня – это время на раздумье. Учтите, такое роскошное предложение вам больше не сделают. Я ведь дарю вам жизнь, свободу и здоровье. А что взамен? Практически ничего. А вы кочевряжитесь. Обещаетесь подумать?

– Обещаю.

Локтев встал, взял из рук Руденко повестку и пропуск. Руденко тоже встал из-за стола.

– Тогда счастливо, Кактус.

* * *

Оставшись в кабинете один, Руденко развернул на столе свежую газету пробежал глазами заголовки, даже прочитал пару абзацев из заметки на криминальную тему. Но тут в дверь постучали, вошла невзрачная женщина, курьер из информационного центра. Положила на стол поверх газеты несколько сколотых скрепкой листов бумаги.

– Из ГУВД Петрозаводска пришел ответ на ваш запрос о гражданине Тарасове.

– О, спасибо, – восторженно воскликнул Руденко. – Какое счастье.

Он хотел пошутить, схохмить или потрепаться о погоде, но заглянул в лицо курьера – и шутить расхотелось. Женщина выглядела слишком уставшей, серьезной, сосредоточенной на своих мыслях. Кажется, она вообще не способна понимать юмор. Старовата для этого.

Руденко только глянул вслед курьеру и опустил глаза к бумагам. Местные петрозаводские милиционеры отнеслись к запросу из Москвы внимательно, слово МУР уважают даже в глубинке. Надо же, целых восемь страниц в ответ настрочили. Так, Тарасов Максим Сергеевич. Родился, крестился, учился. Ничего интересного, общая сухая информация. Инспектор перевернул вторую, затем третью страницу, продолжил мало занимательное чтение.

Так, мать Руденко умерла семь лет назад. Работала на консервном заводе. Отец в прошлом бригадир грузчиков в порту, ныне инвалид. Других близких родственников не имеется. Сам Максим Руденко мастер спорта по боксу. Любительскому, разумеется. Занимался в спортивном обществе «Урожай» под руководством тренера Люшкина. Видно, звезда местного значения. В Москве о таком тренере слухом не слыхивали. И не слышат.

Тарасов не женат, детей не имеет. Просто аномальное явление, человеку за тридцать, а у него ни жены, ни детей. Настораживает. Шесть лет назад увлекся театром. С чего бы? Работал в областном театре оператором сцены, осветителем. Окончил годичные актерские курсы. В эпизодических и массовых сценах участвовал в следующих спектаклях. Ух, как много постановок. Целый поминальник. Когда только успел? Видать, талант прорезался. Сыграл одну из главных ролей в пьесе «Барышня и хулиган». Кого он, интересно, представлял в этой пьесе? Наверняка, не барышню.

В театральном коллективе пользовался уважением. Общая фраза. Так, а вот это уже интересно: друзья Тарасова. Пара ничего не говорящих фамилий спортсменов. Затем администратор спортивного общества «Буревестник» Виктор Семенович Клыков. Тоже мимо денег. Кто такой этот Виктор Семенович? И ещё один друг – драматург областного театра Алексей Евгеньевич Локтев.

Руденко икнул от неожиданности.

Он пять раз подряд перечитал последнюю фразу, поднялся на ноги. Он прошелся по кабинету, зачем-то выглянул в окно и выпил мутной застоявшейся воды прямо из горлышка графина. Руденко упал в кресло: драматург из областного театра Алексей Локтев, недавно покинувший этот самый кабинет, – друг Тарасова, друг убийцы. Вот это сюрприз. Тесен мир. А на ловца зверь бежит. Это называется – чистое везение. Везение высшей пробы.

Черт побери, не так часто везет честным людям, а милиционерам в особенности. Кактус – друг Тарасова. Впрочем, Локтев ещё не совсем Кактус. Он не дал агентурную подписку. Но это дело поправимое. Подписку он, сука, даст. Никуда теперь не денется. Руденко просто обязан довести историю до счастливого финала.

* * *

По мосту, о чем-то переговариваясь, шли люди. Локтев оторвался от созерцания городского пейзажа, зеленой речной воды и побрел дальше своей дорогой.

На углу набережной и кинотеатра «Ударник» у мачты городского освещения стояли «Жигули» с передком, смятым в гармошку. Видимо, столкновение произошло пару минут назад, толпа зевак только начинала собираться. Кто-то побежал в кинотеатр к телефону, вызывать «скорую».

Локтев остановился в десяти шагах от разбитой машины, наблюдая, как постовой милиционер и два мужчины в гражданской одежде, видимо, добровольные помощники из прохожих, вытаскивают из кабины и помогают сесть на тротуар пострадавшему в аварии

водителю. Лицо молодого человека, голубая сорочка, светлые брюки залиты кровью. Водитель сел на тротуар, обхватил ладонями лицо и тихо постанывал.

«Даже странно, что сейчас кому-то на этом свете хуже, чем мне, – подумал Локтев. – Впрочем, это ещё вопрос, кому хуже».

Пару кварталов он прошел по Большой Полянке, свернул в арку мрачного здания постройки пятидесятых годов и, пешком поднявшись на третий этаж, нажал кнопку звонка.

Через час хозяин квартиры пенсионер дядя Коля Мухин, друг покойного отца Локтева, покормив гостя обедом, очистил от бумаг круглый стол в большой комнате, водрузил на него шахматную доску. Локтев, уже изливший Мухину душу, ожидал слов поддержки или совета, но дядя Коля молчал, сосредоточенно расставляя шахматные фигуры на доске. Сев за стол, Локтев бездумно передвинул белую королевскую пешку.

– Ну, что ты терзаешься? – прищурив глаза, Мухин посмотрел на Локтева то ли с сожалением, то ли с жалостью и сделал свой ход. – Поздно пить боржоми, когда... Когда все за тебя решают другие люди.

– Что мне делать?

– Если бы у тебя был выбор, я бы ответил так: выбирай, сынок, из хорошего лучшее. А так, что скажешь?

– Черт возьми, я приехал в Москву, чтобы работать, чтобы писать пьесы, участвовать в их постановке, – Локтев сделал ход конем. – А вместо этого... Меня принуждают стать милицейским стукачом. Я уже не драматург, а Кактус.

– Сейчас из этого говняного потока тебе не выбраться, – сказал Мухин. – Остается плыть по течению. Но, возможно, случай представится позже. Пока не торопи события. У меня есть один знакомый, по фамилии Журавлев. Он бывший сыщик уголовного розыска. Теперь в отставке по возрасту. У него свое маленькое детективное агентство. Не знаю, чем он точно занимается, подглядывает в щелку за неверными женами или ищет угнанные машины. Но человек он дельный. Надо тебе к нему сходить, я адресок тебе напишу. И с Журавлевым переговорю.

– Пустое это, – Локтев сделал следующий ход.

– А ты все-таки к нему сходи, – Мухин погрозил Локтеву пальцем. – Две головы хорошо, а три лучше.

– Обязательно к нему схожу, – пообещал Локтев, наперед зная, что ни к какому частному сыщику Журавлеву не пойдет.

– Ты в облаках витаешь, – покачал головой Мухин.

Локтев сделал рокировку и не ответил. Он подумал, что шахматы игра слишком легкая, не требующая душевных сил. Силы и, в конечном счете, саму жизнь отнимают другие игры. Такие игры, где пешки в ферзи не выходит. Пешки остаются пешками, таковы правила. Дураки остаются дураками, а кактусы всю свою жизнь кактусы.

– Ну, что тебя так гложет?

Мухин поднял вверх седые брови.

– Гложет то, что из человека я почти превратился в кактус. Превратился в информатора, ментовского стукача.

– Понимаю, от тебя требуют информации. Тогда для затравки сообщи своему следователю, что старик Мухин, военный строитель, собирается под покровом ночи обчистить коммерческий ларек. Или, бери выше, собирается совершить налет на ювелирный магазин.

– Возьму этот факт на заметку.

– Вот что, Алеша, когда был жив твой отец, я обещал ему присматривать за тобой, – сказал Мухин. – Обещал тебе помогать. Сейчас ты влип в историю. Наверное, потребуются деньги, чтобы из неё выбраться. Можешь на меня рассчитывать. Я дам, сколько надо, но в

пределах разумного. Трать деньги на то, что читаешь нужным. Отдашь, когда разбогатеешь, когда твои пьесы поставят в театрах.

Первую партию Локтев проиграл быстро. Мухин снова расставил фигуры, но, разочарованный слишком легкой победой, встал и отправился на кухню заваривать чай. Оставшись в комнате один, Локтев подошел к окну и через треснутое стекло стал разглядывать пыльный заставленный автомобилями двор.

Девушка в короткой юбке выгуливала на поводке серого пуделя. «Рослая девка и лицом симпатичная, – подумал Локтев. Но ноги такие кривые, что между ними запросто проедет трактор „Беларусь“, да ещё провезет за собой прицеп с картошкой».

Локтев отошел от окна и, упав в кресло, прижал к вискам ладони. «Боже, я начинаю сходить с ума, – подумал он. – Начинаю медленно съезжать с ума. Помоги мне, Боже».

Глава четвертая

Тарасов вздрогнул и проснулся.

Он тревожно спал ночью. Мучил уже знакомый, виденный прежде сон. Кошмар, ставший явью. Или явь, превратившаяся в кошмар.

Он спустил ноги с кровати, сбросил с себя простыню, сел. Потянулся к тумбочке за сигаретами и зажигалкой. Оранжевый огонек вспыхнул и погас. Раннее утро, тишина, где-то внизу на улице шелестят шины по асфальту. Комната в сером свете предрассветных сумерек кажется нежилой.

Еще одна комната... Еще одна съемная квартира, счет которым давно потерян.

И все тот же сон заставляет его просыпаться.

...Стук молотка за стеной. Молоток стучит, стучит. Кажется, не будет конца этому стуку. Но вот все затихает, становится слышен шум проливного дождя за окном. А он, Тарасов, больной, совершенно разбитый лежит на жестком самодельном топчане, уставив взгляд в темный деревянный потолок.

Он не в силах пошевелиться, он так слаб, что не может протянуть руку к чашке с водой. Грань между жизнью и смертью, между явью и бредом, сделалась совсем тонкой, едва различимой.

Тарасов стонет. Но этот стон не слышит никто из людей. Стучит дождь по тесовой крыше. Стучит молоток, и все другие звуки растворяются. А Тарасов все лежит, смотрит в потолок, он знает происхождение этого стука.

Хозяин дома Василий Лукич сколачивает гроб. Непогода, уже третью неделю дождь льет, как из ведра. Рыбак не может выходить в Онегу. Он томится от вынужденного безделья, не знает, чем себя занять.

И вот он, уверенный, что Тарасов уже не долго проживет, что протянет ноги не сегодня, так завтра, принимается мастерить гроб. Стругает доски, пилит, подгоняет по мерке.

А Тарасов все лежит и ждет смерти. Он сам знает, что скоро умирать. Теперь он слышит, как за тонкой стенкой хозяйка Мария Петровна обращается к мужу:

– Вася, иди суп похлебай.

– Подожди, – отвечает тот. – Я уж скоро управлюсь. Тогда и поем.

– Пустое это дело, – говорит хозяйка. – Может, он и не умрет.

– Не умрет, – передразнивает Василий Лукич. – Да от него уже покойником воняет. Он и пары дней не протянет.

Тарасов смотрит в потолок и тихо стонет. Ему не хочется слушать чужой разговор, не хочется жить, но и умереть он не может. Он тянется к чашке. Рука дрожит, вода выплескивается на пол, чашка падает.

– Говори тише, он может услышать.

– А что тут у нас за секреты? – удивляется Лукич. – Он сам знает, что помирает.

– Прошу тебя, Вася, тише. Ты бы лучше, чем гроб делать, за доктором на лодке съездил.

– По такой-то погоде? По такому дождю? Если разведрится, съезжу в конце недели. Только не разведрится. На всю неделю по радио дождь обещают. Говорю же, не жилец он. Помрет не сегодня, так завтра. И доктор ему не нужен.

Слышно, как хозяйка шмыгает сопливым носом. Видимо, в этот момент она сморкается и вытирает водянистые глаза кончиками платка.

– Скорей бы уж...

Мария Павловна переходит негромкий шепот.

– Скорей бы уж он помер. Измучилась я вся с ним. Стонет и стонет. Ни днем, ни ночью никакого покоя нет. Измучилась я...

– Потерпи, – отвечает муж. – Не долго теперь мучиться. Ведь и живым его в могилу не закопаешь. А то, может, его обратно к озеру отнести? На то место, где ты его нашла?

– Господь с тобой...

– Я и говорю, не закопаешь живым, – говорит Лукич. – Я на себя греха такого не возьму.

– Что ты, что ты...

– А, может, он преступник? Может, он зек беглый?

– Не похож он...

Тарасов не может дослушать разговор, сил не осталось.

Он лежит на спине, смотрит в потолок и плачет. Болят сломанные ноги, лоб сделался горячим, а язык сухим и шершавым. Слезы туманят глаза, потолок расплывается, темный дождливый день сменяется таким же темным вечером. Но некому вытереть слез.

Он снова забывается дремотой, стонет во сне, бормочет какие-то слова. Сколько времени он тогда проспал? Неизвестно. Жужжат комары, дождь барабанит по крыше. А за стенкой все стучит молоток. Стук-стук-стук... Господи, когда же это кончится, когда придет смерть?

...Хозяйка садится в изголовье кровати. В её руках чашка с крепкой ухой, поверх которой лежит толстый ломоть черного хлеба.

– Поешь, – говорит она. – Надо есть.

Тарасов с усилием отрывает голову от подушки, пытается сесть. Но боль сводит ноги. Он морщится, старается не застонать. Мария Петровна подкладывает вторую подушку ему под спину. Она поит Тарасова из чашки бульоном. Он обжигается, но пьет, кусает хлеб. Первый раз он чувствует аппетит. Он хочет есть.

– Который сегодня день? – спрашивает он.

– Двадцать девятое, – отвечает хозяйка.

– А месяц который?

– Май.

Вот как, уже май. Тарасов сбрасывает лоскутное ватное одеяло, смотрит на ноги, бледные, сильно истончавшие. Но живые, без синюшных гангренозных отеков. Становится легче.

Фельдшер из ближнего поселка появился на острове только в начале июля, когда Тарасов, подставив под плечи самодельные костыли, делал по комнате неуверенные шаги. Нацепив на нос очка, фельдшер ощупал ноги больного. Сказал, что без рентгена трудно поставить правильный диагноз, но, кажется, кости срослись правильно. Хочется на это надеяться... Иначе придется снова ноги ломать. Надо вести больного в Павенец, в больницу.

Фельдшер копается в бумажках, вынимает ручку.

– Как ваша фамилия? – спрашивает он Тарасова.

– Самсонов, – говорит Тарасов. – Петр Петрович. Москвич. Приехал порыбачить. И вот несчастный случай. Спрыгнул в воду, а там неглубоко и камни. Ноги поломал...

Тарасов убежден: что свое имя он раскрывать не должен. Он выздоравливает, он скоро встанет на ноги. Накопились счета, которые он должен оплатить. Теперь его жизнь приобретает особый смысл.

Фельдшер снова щупает ноги.

– А кто накладывал шины? – спрашивает он.

– Это я, – из темного угла комнаты выступает хозяин. – Я немного в этом деле петрю. При медсанчасти на зоне пять лет работал. Лепилой.

Тарасов снова не может сдержать слез. Это слезы счастья. Он будет жить. Через час ему помогают забраться в лодку фельдшера.

Над водой стелится утренний туман. Тарасов смотрит на удаляющийся остров. Забыты все обиды. На берегу стоят Мария Петровна и Василий Лукич. Они машут руками, что-то кричат. Но за гулом мотора слов уже не понять.

Он машет рукой в ответ, он уплывает отсюда навсегда. Уплывает в другую жизнь. Люди на берегу, а затем и сам остров скрываются в тумане.

Свеженький, как молодой огурец, гроб остался стоять в сених. Авось, самим хозяевам пригодится.

* * *

А ведь как все хорошо начиналось...

Каша заварилась около двух лет назад. Директор театра, ещё не подписав заявление Тарасова об увольнении по собственному желанию, покачал головой и криво усмехнулся: «Максим, не переоценивай свои возможности. Мы тут тебя не зажимаем. Но ты со своими задатками, со своим актерским уровнем можешь рассчитывать только на вторые роли. Пока. Еще успеешь вырасти». «Мне не нужны вторые роли, я уже много переиграл вторых ролей», – буркнул Тарасов.

«Роль Гамлета ты не получишь нигде. Понимаешь? В любом, самом задрипанном театре тебе не дадут ничего приличного. Везде придется начинать с нуля. Везде придется доказывать, что ты не верблюд. И на это уйдут годы», – сказал директор. «Что ж, придется начать с нуля. Но только не в театре. Этим я сыт».

Директор пожал плечами и подмахнул заявление.

Тарасов ушел из театра. Он не болтался по пивнякам и не бездельничал. Он забыл дорогу на любительский ринг, но в спортзале бывал почти ежедневно. Режим тренировок пришлось изменить. Четыре раза в неделю посещал тир. Каждый день бегал по восемь километров по пересеченной местности. Затем душ. Затем сорок минут на прыгалках. Три минуты, полминуты отдыха, ещё три минуты... Снова душ.

К гантелям и штанге не прикасался, чтобы не набрать дополнительную мышечную массу. Впереди длинная дистанция, а лишние килограммы ни к чему – нагрузка на сердце.

Стояла ранняя карельская осень, на студеном ветру трепетали желтые листья, щелкали выстрелы карабина, сладко трепетало сердце... Оно выстукивало непривычные скорые ритмы. Сердце ждало скорых перемен.

Но к черту всю эту лирику, все эти желтые листья и сердечные мотивы. В задницу их. Тарасов знал, что к прежней жизни жалкого провинциального лицедея и спортсмена неудачника уже нет возврата.

Подобралась компания старых знакомых, все боксеры. На ментовском языке такая компания называется устойчивой преступной группировкой или бандой. Пусть будет банда. К черту все слова, все определения. Это были крутые парни, способные не мелочью заниматься, не чемоданы на вокзалах тырить, ни валютчиков шерстить. Это были ребята, способные на большие дела. Их мужество не выветрится, не рассосется...

Алтынов, Яновский и сам Тарасов – три фигуранта. Но Петрозаводск, хоть это и столица какой-то там гребанной республики по существу нищая чухонская глубинка. На весь город богатых людей по пальцам считать. В этой медвежьей дыре денег никогда не водилось и, надо думать, в обозримом будущем не заведется.

Перед отъездом Тарасов решил поговорить с больным отцом.

Он сел на его кровать: «Я договорился с одной женщиной. Она будет приходить сюда. Приготовит, постирает и вообще... Деньги я буду высылать каждый месяц. Сколько смогу». «А может, останешься? – отец говорил плохо, неразборчиво. – Я мечтал увидеть внуков. До того, как загнусь». «Мне нечего делать здесь, в этой дыре, – помотал головой Тарасов. –

Мне все здесь осточертело. Прости. Как говаривал герой одного спектакля: или сейчас или никогда».

«Что ты задумал?» – спросил отец. «Я задумал начать нормальную жизнь. Всего-навсего», – сказал сын. «Максим, дай мне умереть спокойно. Не делай ничего такого, о чем потом придется жалеть», – кажется, отец готов был пустить слезу. Тарасов не ответил, разговор был закончен.

Друзья взяли билеты до Питера. Северная столица – город больших денег и больших возможностей. Там можно развернуться. Так они думали. Господи, какая наивность. Никто их в Питере не ждал, никто туда не звал. Помнится, жить пришлось в клопиной берлоге, снимая комнату у грязной и алчной старухи, похожей на процентщицу Достоевского.

Но неудобства быта легко сносить, когда знаешь, что впереди тебя ждут большие дела. А дела, как на зло, подворачивались не слишком крупные. Кажется, сначала был налет на салон меховых изделий или на филиал Сбербанка? Впрочем, какая разница?

Звучит, конечно, неплохо, даже весело: салон меховых изделий. Но это пустой звук. Да, риска было много, а навар мизерный. Самые дорогие шубы хранились в подвале, но Тарасов этого не знал. За полчаса до открытия салона спокойно вошли туда через черный ход, набили морды трем охранникам, стучавшим в домино. Затем положили персонал салона на пол и начали шмон.

По неопытности сняли вещи с кронштейнов в торговом зале. Дамскими шубками набили несколько объемистых баулов. Кожаные куртки и пальто вообще не тронули.

И вот главная ошибка. Они не спустились вниз, на склад, где в специальных холодильниках хранилась партия отборных канадских соболей. Короче, вышла лажа. Они взяли товар не первого сорта. А потом их обманул перекупщик. Дал какие-то копейки, а остальные вещи забрал якобы на реализацию. И благополучно смылся.

Больше других тогда заработал директор мехового салона. Да, это не лох, тертый перетертый мужик. Он быстро оценил ситуацию. До того, как вызвать милицию, директор вывез оставленные грабителями соболя и заховал их в надежном месте. А потом получил огромную страховку за якобы украденные вещи. Все списали на грабителей, как списывают убытки на пожар или стихийное бедствие. Впоследствии тот директор так раскрутился, что открыл ещё один или два салона меховых изделий. Вскоре его замочили питерские бандиты, которым этот навозный жук не доплатил какую-то мелочь. Все жадность...

Со Сбербанком вышло и того хуже.

Это вообще нищенский заработок, деткам на эскимо. Когда Тарасов вспоминал этот эпизод своей жизни, щеки жег огонь стыда. Что тут скажешь, чем оправдаешься: начинающие грабители. Они не знали, что по банковским правилам в кассе может храниться денег в пересчете на доллары, ну, не больше тысячи. Как только эта сумма набирается, деньги отправляют в хранилище.

Даже что такое хранилище они не знали. И времени не было туда спуститься. До прибытия милиции они успели взять только те копейки, которые лежали в кассе. Одно хорошо, тогда обошлось без крови. Как ни крути, людская кровь не водица.

Сбербанком дела не закончились. Ребята только раскумарились, только кулаки зачесались. Но карта не шла. Еще несколько вооруженных ограблений, но улов, по современным меркам, совсем жиденький. На прокорм.

Под Новый год Тарасов со своими парнями совершили налет на квартиру одного предпринимателя, в прошлом известного цеховика. Они зашли в квартиру, связали хозяина и заперли в ванной. Но на хате, как ни странно, не оказалось ни больших денег, ни ценностей.

Опять все то же: затарились кое-какой мелочью, золотишком и бытовую аппаратуру прихватили не понятно зачем. Видик подарили старухе хозяйке, чтобы та не стерла от злости последние зубы. Денег только на то хватило, чтобы рассчитаться с наводчиком за наколку.

И тут терпение кончилось, Тарасов сказал – стоп. Или мы делаем одно, но большое дело. Или вообще бросаем этот онанизм.

В то время Тарасов любил повторять: «Лучше я заживо сгнию в этом театральном болоте, на сцене областного театра, чем ещё раз так обосрюсь». Они легли на дно и стали искать это большое дело. Но долгое время ничего не подворачивалось. Вообще ничего.

* * *

Как часто бывает, помог случай.

Один хрен по фамилии Маслюк, бывший инкассатор частной фирмы, вылетел с работы за пьянство и нанесение легких телесных повреждений техничке. Уборщица отказалась вытереть лужу, которую он по пьянке сделал в коридоре. Он затаил обиду на родную контору и, главное, остался без денег. Маслюк случайно познакомился с Тарасовым и объяснил ему, что к чему.

Фирма, из которой вытряхнули Маслюка, занималась перевозкой и инкассацией денег. В частности, перевозили зарплату для работников целлюлозного комбината. А этот комбинат – это же тысячи работников, целый город людей. Вот это и было то самое дело, которое долго и безуспешно искал Тарасов.

Они с приятелями разработали план, простой и эффективный. Именно в простоте была сила этой затеи. Инкассаторская машина в сопровождении милицевских «Жигулей» выезжает из Питера. На глухой дороге её с двух сторон блокируют лесовозами. А дальше дело техники.

Вообщем, все получилось.

И обошлось бы без жертв, без крови. Милиционеров положили на асфальт и связали, а инкассаторов пришлось пристрелить. Потому что один из них хотел выглядеть героем и оказал сопротивление. Наводчик Маслюк погиб в той идиотской перестрелке.

Но деньги они взяли. Мало того, удалось уйти, хотя на ноги подняли всю милицию и оцепили район. Когда милиция заблокировала район места происшествия, они успели выйти из кольца.

На этот раз навар отменный, в пересчете на доллары миллион. Хорошая цифра. Тарасов хотел, чтобы пыль немного улеглась. Они с приятелями некоторое время жили на съемной квартире в Питере, затем перебрались в Петрозаводск. Таскали с собой сумки с деньгами, будто в них была картошка с огорода. Если взглянуть со стороны – прикольное зрелище.

Напрасно потратили время. Петрозаводск город относительно небольшой, там слишком трудно спрятаться.

Тут Тарасову встретился ещё один приятель, тоже бывший спортсмен Осипов. Поговорили по душам. Осипов предложил хороший вариант, мол, отсидитесь у моего брата истопника в поселке на берегу Онеги. Решено, из Петрозаводска они уезжают. Чем скорее, тем лучше. Перед отъездом Тарасов отложил в сторну некоторую сумму, завернул деньги в несколько герметичных пакетов и закопал в надежном месте. «На всякий случай, на черный день», – решил он тогда. Умно поступил. Черный день скоро наступит, а захоронка с деньгами ой как пригодится.

Вчетвером они отправились в Рыбачье. Но что делать дальше? Деньги кровавые. Их надо отстирать. А затем конвертировать.

Осипов отправляется в Москву, где в то время работал охранником у некоего Зеленского, своего земляка, директора туристической фирмы «Онега». Осипов все рассказал своему боссу. Так и так, есть трое ребят, которые недавно грохнули инкассаторов и теперь сидят на мешках с грязными деньгами, не знают, что делать.

Зеленский подключил Субботина. Тот взялся помочь. Вместе со своими телохранителями они выехали в Рыбачье.

Субботин долго торговался, предлагал отмыть деньги за пятьдесят процентов общей суммы. Это, разумеется, форменный грабёж. За отмывку таких процентов не требуют. Тарасов отказался. Спорили они, спорили и сошлись на тридцати процентах. Хотя и это грабёж. Ударили по рукам. А что было дальше?

Братская могила для Алтынова и Яновского. Их убили охранники Субботина, а потом закопали на безлюдном острове, которых в устье Онеги – тысячи.

Ночью телохранители сломали Тарасову ноги, сбросили его с лодки в озеро. Думали он, как топор, на дно пойдет. Слава Богу, не было болевого шока, иначе кранты. Но и так радоваться нечему. Ранняя весна, вода студёная. Тарасов вынырнул метрах в десяти от лодки. С борта его не заметили. Работая одними руками, он плыл четверть часа. Затем перевернулся на спину и попытался отдохнуть. Не удалось, слишком холодно. И перстная вода плохо держала человека.

Он снова плыл, работал руками до боли, до онемения в плечах. Плыл, плыл и плыл... Когда он понял, что сил осталось только на донышке, попалось небольшое бревно. Черное и скользкое, оно лежало на воде, будто долгие годы ждало в этом самом месте тонущего человека. Тарасов стянул с себя брезентовую штормовку и накрепко привязал себя к бревну. Теперь он, по крайней мере, куда меньше шансов утонуть.

Теперь Тарасов почувствовал, как болят сломанные ноги. Но боль – ерунда. Главный враг – это холод. Чтобы победить холод нужно двигаться почти без остановки. Тарасов продолжал работать руками, даже не зная, в какую сторону плывет. Временами он терял сознание, но забытие продолжалось совсем недолго.

Он снова приходил в себя и снова начинал грести. Сколько времени продолжался этот марафон? Час? Может, два часа? Неизвестно. Сознание пропадало и возвращалось. Тарасов чувствовал, что умирает. Но он не умер. Но жизнь не уходила, жизнь не отпускала, жизнь крепко держала его за шкуру. В бледных сумерках северной ночи он увидел землю. Увидел берег, сосны, нависшие над ним.

Он отвязал штормовку от бревна и поплыл к этому спасительному берегу. Сознание оставило Тарасова, когда он выполз из воды на твердую землю. Он снова пришел в себя. Совсем рядом, над черной избушкой, клубился печной дымок. Или эта избушка – видение, плод расстроенных нервов и тяжелой травмы? Тарасов закричал. Последние силы он вложил в этот дикий, отчаянный крик. Дальше пустота.

Тарасову повезло с ангелом хранителем, хороший попался ангел. Тут даже не надо впадать в мистику, и так понятно: его сберегло само провидение.

Потом были болезнь, прозябание на шатком мостике между жизнью и смертью. Позже вернулась воля, жизненные силы, а с ними – жгучее желание отомстить.

Отомстить...

Ну, это довольно просто. Это не великая проблема. Особенно если из тебя самого ещё не сыплется песок, ты умеешь нажимать на курок и хотя бы изредка попадаешь в цель. А если стрелять совсем не умеешь – пользуйся автоматическим оружием. Песок из Тарасова не сыпался, и стрелять он умел. Мокрое дело – не проблема.

А вот вытащить деньги из такого жлоба, как Субботин... О да, это почти неразрешимая задача. Субботин человек весьма и весьма экономный, даже прижимистый. У его супруги нет зимней шубы. Субботин заставляет жену ходить на государственную службу, хотя та за месяц получает меньше, чем стоит галстук мужа. Он не жалеет денег только на себя самого и свою любовницу Катерину Уварову.

Короче, Тарасов понимал, с каким жадным ублюдком имеет дело.

Он на день вернулся в Петрозаводск, из соображений безопасности даже к отцу не заглянул, ночь провел на вокзале. Утром откопал пакет с деньгами, взял билет в Москву. Пора начинать, только действовать следует без особой спешки... Тарасов нанял дорогих детективов, которые выследили всех персонажей этой истории. Узнали о них все, что можно узнать. Затем он нашел себе помощников. Бывшего штангиста Кислюка, боксера Крапивина, отставного военного Бузуева. Еще парочку парней, бывших спортсменов, Храмова и Дундика. Эти – форменные отморозки, которым мышцы заменяли мозги.

Пока Тарасов боролся за себя и, встав на ноги, занимался своими делами, Субботин играл в свои игры.

Он явился в Москву с деньгами. И это были действительно грязные и кровавые деньги. Их нельзя было пускать в оборот, с ними нельзя идти в банк. И приятель Субботина чертов армяшка Оганян, владелец ресторана «Домино», вызвался помочь. Пропустить через свой кабацкие такие огромные суммы целиком он не мог. Часть денег прошла через «Домино», другая часть через частный пенсионный фонд, где у Оганяна полно земляков. Короче, лаврушник отмыл деньги.

Кое– что перепало Зеленскому. Какую-то мелочь бросили братьям Осиповым. Свой процент получил Оганян. Да, Субботин жадноват, не привык бросаться деньгами.

И наступила, в общем и целом, хорошая благополучная жизнь. Правда, не надолго. Все тонкости движения своего капитала Тарасов выяснил через частных детективов. И вот предварительный итог: Осипов прибрался. Значит, одной заботой меньше. Упокой Господи его душу.

Теперь, когда все точки расставлены по местам, остается действовать дальше. По тактическим соображениям разумно начать с мелкой рыбешки. Скажем, с Зеленского. Или первым хлопнуть армяшку Оганяна? Собственно, это без разницы. Тарасов вытащил из кармана монетку. Орел – Зеленский. Решка – Оганян. Тарасов подбросил монетку вверх. Выпал орел.

Судьба Зеленского была решена.

Глава пятая

Этот день, которой вполне мог стать последним днем его жизни, бывший боксер, а ныне человек без определенных занятий Иван Крапивин начал просто и буднично. Начал день с вялой перебранки.

Жена Надя, собиравшаяся на работу, вышла на кухню, где за столом у окна завтракал Крапивин, и сказала, что сегодня зайдет покрасить волосы и вернется позже обычного.

– Какого хрена красить на твоей голове?

Крапивин после минутного раздумья отвесил ещё один комплимент.

– Все волосы вылезли, осталось три пряди на макушке. А на краску деньги тратишь. Покрась голову луковыми перышками. Это хоть дешево.

В это утро он не был настроен говорить жене любезности.

– Я что, твои деньги трачу? – жена заводилась с пол-оборота, сразу была готова сорваться на крик. – Твоих денег я уже год не видела. Ты вообще-то собираешься искать работу? Или намерен на моей шее до старости сидеть?

На этом месте Крапивин перестал слушать Надю. Только что он проглотил яичницу из четырех яиц, съел три бутерброда с копченой колбасой и маслом и теперь раздумывал, не повторить ли завтрак. Если начало дня сложится не совсем удачно, то вечер, ночь, утро следующего дня предстоит провести в камере предварительного заключения отделения милиции.

Ясно, что кормить его там никто не станет. А вечером для профилактики дежурный наряд, скорее всего, измолотит Крапивина дубинами, сапогами и вообще чем придется. Крапивин был готов вытерпеть побои, но зачем обрекать себя ещё и на муки голода. Куда лучше он, как верблюды, наестся впрок.

Поставив сковородку на огонь, Крапивин вылил на неё ещё четыре яйца, отрезал несколько кружков колбасы и намазал масла на хлеб.

– И у него ещё язык поворачивается меня в чем-то упрекать, – говорила Надя, подкрашивая брови.

– Я не в чем тебя не упрекаю, – отозвался Крапивин. – Просто сказал, что ты говено выглядишь.

– Я выгляжу говено, потому что у меня муж такой законченный придурок.

Надя стерла слезинку платочком, побросала косметику в раскрытую сумку и громко хлопнула входной дверью. Крапивин выложил яичницу на тарелку, посмотрел на еду взглядом сытого удава и, вздохнув, взялся за вилку.

Неделю назад Крапивина нашел, казалось, навсегда потерявшийся приятель Максим Тарасов. Позвонив Крапивину домой, он сказал, что есть хорошая денежная работа, предложил встретиться в открытом кафе на Старом Арбате. Предложение и впрямь показалось заманчивым.

От Крапивина требовалось немного. В следующий четверг, в первой половине дня, нужно прийти в торговый центр «Импульс», на первом этаже которого находится кафетерий, устроить там драку и смыться. За эту небольшую услугу, которую старому приятелю можно оказать за так, за бесплатно, Тарасов платит большие деньги. Пятьсот баксов вперед, пятьсот по окончании работы.

Если Крапивина повяжут на месте, Тарасов берется заплатить, а также возместить вероятные убытки кафетерия: разбитая посуда, витринное стекло и другие мелочи. Деньги очень легкие и быстрые. Всего несколько минут работы кулаками – и целая тысяча баксов на кармане. Заманчиво, более чем заманчиво.

Крапивин хорошо знал Тарасова, если уж тот говорит, значит, все без обмана. Удивившись столь высокому гонорару, Крапивин, давно сидевший без денег, тем не менее, не стал торопиться с ответом. «Между нами говоря, это дело и двух сотен не стоит, – сказал он. – И я знаю пацанов, которые за две сотни будут рады это сделать». «Мне не нужны посторонние люди, – ответил Тарасов. – И мне нужна не просто драка, мне нужна большая драка. И человек, который в случае чего не станет говорить лишнее».

Тарасов кивнул официанту, заказал ещё пару кружек пива и копченые сосиски. «Объясни, зачем весь этот кипеш?» – попросил Крапивин.

«В этом торговом центре „Импульс“, на втором этаже, снимает помещение туристическая фирма „Онега“, – ответил Тарасов. – Его окна выходят прямо в торговый зал. Вернее, турфирма – это только вывеска. На самом деле они там занимаются совсем другими делами. Вот с директором этой шарашки Зеленским я хочу встретиться с глазу на глаз. А он не хочет. Мало того, он нанял двух парней, которые провожают его от двери квартиры до офиса. И вообще целый день находятся при этом Зеленском, даже в сортире рядом стоят, когда он там гадит. Если начнется драка в кафетерии, они вмешаются. Значит, у меня будет шанс увидеть Зеленского».

«Понятно, – кивнул Крапин. – Тогда можешь на меня рассчитывать». «Милиции там нет, – сказал Тарасов. – В зале торгового центра, а попросту говоря, большого магазина только два охранника. Еще один охранник в дверях. Первыми на шум прибегут они. Если возня затянется, сверху спустятся охранники Зеленского. Мне для разговора хватит пяти минут. Твоя задача задержать охранников максимально продолжительное время».

«Хорошо, это без проблем, – кивнул Крапивин и похвастался. – Сейчас я в хорошей форме». Тарасов расстегнул бумажник и отсчитал пять сотен.

В тот же день Крапивин побывал в торговом центре «Импульс». Все в точности так, как описывал Тарасов. Просторный торговый зал с прилавками и продавщицами в розовых фартучках и белых наколках в волосах. В углу зала длинная стойка кафетерия или закусочной. Несколько высоких столиков на металлических ножках, посетителей немного. В ближней стене железная дверь с табличкой «Туристическая фирма „Онега“». Выше двери большое выходящее в зал окно, закрытое горизонтальными жалюзи.

Крапивин жевал бутерброд, пил из горлышка пиво и разглядывал торговый зал, по которому слонялись парой два охранника в камуфляжной форме. Довольный собственными наблюдениями, Крапивин вышел из торгового центра и на метро отправился домой.

* * *

Покончив с завтраком, отяжелевший Крапивин поднялся из-за стола, поставил грязную тарелку в мойку. Облачившись в джинсы свободного кроя и синюю рубашку, он посмотрел на часы и решил, что пора выходить. Шухер в кафетерии нужно начать ровно в двенадцать, а до торгового центра добираться тридцать пять минут. Лучше приехать на четверть часа раньше и ещё раз осмотреться вокруг.

Надев кроссовки, Крапивин вернулся в комнату, снял с полки иллюстрированную книгу «Памятники отечества» и ещё раз убедился, что деньги, те самые пятьсот долларов, что он на прошлой неделе получил от Тарасова, на месте. Через пару минут Крапивин вышел из подъезда, неторопливым прогулочным шагом добрал до метро.

Он поднялся на поверхность в половине двенадцатого, дошел до автомобильной стоянки, спросил у таксиста, сколько будет стоить отсюда доехать до Каширского шоссе и заплатил вперед. «Ровно в двенадцать пятнадцать останови машину возле самого входа вот в эту забегаловку и жди меня, – Крапивин показал пальцем на здание торгового центра. – И не опоздай».

Без двадцати минут двенадцать Крапивин вошел в помещение «Импульса», косо глянул на охранника в дверях, миновал полупустой торговый зал, вошел за загородку кафетерия. Круглые одноногие столики пустовали.

Только у углу у витрины, выходящей на площадь, старая еврейка в желтой панаме жевала пирожное, запивая его соком. И ещё молодая парочка за соседним столиком баловалась газировкой.

Буфетчик в белом фартуке тряпкой полировал безупречно чистую стойку.

– Дай пива холодного, – сказал Крапивин.

– Вам какого? – буфетчик отложил тряпку в сторону.

– Я сказал холодного.

– Какой марки?

– На твое усмотрение.

Крапивин уселся на высокий с кожаным верхом табурет перед стойкой. Буфетчик открыл прозрачную дверцу холодильника, достал бутылку мгновенно запотевшую пива, поставил её перед посетителем, рядом поставил пластиковый стаканчик. Крапивин высыпал на фарфоровую тарелочку мелкие деньги, взял в руку открывалку.

Он посмотрел на часы: без семи минут двенадцать.

– И охота тебе тут целый день в этом фартуке вертеться? – спросил он у буфетчика.

Буфетчик не ответил. Он выпятил нижнюю губу и развел руками, выражая этим жестом покорность жестокой судьбе. Мол, мне деньги платят за то, чтобы утром я надевал фартук и до вечера тусовался за стойкой, подавая пиво всяким хамам.

Крапивин, повернувшись к буфетчику в пол-оборота, рассматривал торговый зал. Он видел, как в магазин вошел Тарасов, в темных очках, одетый в голубые джинсы и коричневый пиджак. В правой руке Тарасов держал бумажный сверток, по форме напоминающий завернутый в газету торт.

Пройдясь по залу, он остановился у дальнего прилавка, о чем-то спросил продавщицу. Та улыбнулась в ответ, показала рукой в сторону кафетерия. Крапивин посмотрел на часы: без трех двенадцать. Он отставил в сторону пластиковый стаканчик, глотнул пива из горлышка и поморщился.

– Фу, не пиво, а ссанье какое-то, – громко сказал он. – Ты чего мне дал?

Молодые люди за столиком и старуха еврейка с любопытством оглянулись на посетителя. Буфетчик нутром почувствовал недоброе. Он посмотрел на Крапивина полным ненависти взглядом.

– Слушайте, если вы хотите поругаться, идите домой к жене, – сказал буфетчик. – Жена вам составит компанию

– С женой я ещё утром поругался, – усмехнулся Крапивин. – Налей водки.

– У нас нет водки, здесь ей не разрешено торговать.

Буфетчик, наливаясь злостью, упер руки в бока. Крапивин посмотрел на часы: без одной минуты двенадцать. Можно начинать.

– Только ссаньем этим торговать разрешается?

Крапивин взял со стойки бутылку, перевернул её горлышком вниз. Вылив пиво на пол, он подбросил бутылку на ладони, поднялся с табурета и запустил пустой посудиной в большое зеркальное стекло за спиной буфетчика. Зеркало разлетелось на чести с веселым звоном, с полки посыпались банки с газировкой и бутылки с пивом. Старуха еврейка пронзительно вскрикнула. Девушка забежала за спину своего кавалера.

– Охрана, охрана сюда, – заорал буфетчик неожиданно высоким бабьим голосом. – Хулиганят... Сюда...

Но кричать не было надобности.

Охранники, привлеченные звуками бьющегося стекла уже со всех ног бежали к буфету. Крапивин перегнулся через стойку и, желая ударить буфетчика в ухо, но тот, отскочил назад. Крапивин обернулся назад, наклонился, увидел над своей головой уже занесенную дубинку подбежавшего первым охранника.

Дубина просвистела над головой, стукнулась о буфетную стойку. Крапивин ударил нападавшего головой в живот, добавил снизу в челюсть справа и слева.

Охранник, отлетая назад, успел уцепиться за столик, потащил его за собой, повалился на спину, уронив стол на себя. Вторым нападавший бросился на Крапивина грудью, едва сбил его с ног, повалил на пол, но не сумел сесть на грудь и решить все дело парой точных ударов.

Кулак Крапивина, лежавшего спиной на полу, описав в воздухе короткую дугу, врезался в челюсть второго охранника. Сбросив противника с себя, Крапивин вскочил на ноги, ударил человека, стоящего на карачках, ногой под ребра. Но тут буфетчик, высунувшийся далеко за прилавок, ударил Крапивина по голове бутылкой. Удар прошел по касательной, бутылка не разбилась, но рассекла кожу на виске, больно задела ухо.

Крапивин дотронулся до разбитой головы, увидел на пальцах кровь. Обернувшись, Крапивин левой рукой ухватил буфетчика за волосы, а правой съездил ему в глаз. Буфетчик свалился под стойку.

В этот момент, поднявшийся с пола первый охранник, повис на правой руке Крапивина, выдрал рукав рубашки. Крапивин отмахнулся левой рукой, увидев, что металлическая дверь в офис фирмы «Онега» распахнулась настежь, из неё выскочили два плотных мужика и чуть не бегом поспешили к месту драки.

Сбросив с правой руки охранника, Крапивин шагнул навстречу бегущим людям, наклонился, схватил стол за металлическую ногу и, высоко подняв его над головой, запустил им в первого бегущего человека. Тот, разогнавшись, уже не успел увернуться. При ударе о его грудь крышка стола отлетела от металлической ноги.

Человек кубарем полетел на пол.

Второй телохранитель, сообразивший, что остался без поддержки, принял боксерскую стойку и пошел на Крапивина, выставив вперед левый кулак. Но вместо того, чтобы ударить противника кулаком, резко поднял правую ногу и пнул Крапивина в пах.

Крапивин охнул от боли, но устоял на ногах, даже не согнулся.

* * *

Когда началась драка, Максим Тарасов, занявший позицию у стены в десяти шагах от входа в «Онегу», разорвал веревку на свертке, что держал в руках. Он снял газету, в которой оказался завернут герметичный трехлитровый термос с широким горлом. Скомкав газету в большой шар, Тарасов отправил этот шар в мусорную корзину, снял темные очки и опустил их в нагрудный карман пиджака.

Все пошло по задуманному сценарию.

Через несколько минут после начала скандала и потасовки, дверь в офис распахнулась, из неё выбежали два плечистых парня и бросились на Крапивина. Тарасов, тут же потерявший интерес к драке в кафетерии, сделал несколько быстрых шагов вперед, перешагнул порог, закрыл дверь и изнутри закрыл её на крюк.

Он быстро поднялся по металлической винтовой лестнице на второй этаж, толкнул ногой дверь. Выхватив из-за брючного ремня пистолет, Тарасов шагнул в кабинет.

Зеленский открыв жалюзи на окне, выходившим в торговый зал, сосредоточенно наблюдал за потасовкой внизу. Он обернулся на скрип двери, изумленно поднял вверх брови. Боже...

Зеленский смотрел то на черное дуло пистолета, направленного в его грудь, то на физиономию Тарасова, ничего не выражающую, застывшую, как у замороженной рыбы. Тарасов появился ниоткуда, появился так неожиданно, что Зеленский даже не успел как следует испугаться. Сгоряча он хотел было растворить окно и выпрыгнуть в торговый зал. Но Тарасов словно прочитал его мысли.

– Даже и не думай, пристрелю, – он направил ствол пистолета в лицо Зеленского. – Сядь.

Тарасов показал пистолетом на стул возле окна.

– Сядь и сними пиджак.

– Господи, – сказал Зеленский, но не двинулся с места. – Господи, спаси.

– Сними пиджак.

Тарасов, держа Зеленского на мушке, поставил термос на письменный стол и снял крышку. В кабинете остро запахло бензином. У Зеленского была пара секунд, чтобы предпринять попытку спасти жизнь.

Но он, ошеломленный случившимся, упустил время. Зеленский сбросил пиджак, оставшись о белой сорочке и галстуке, медленно опустился на стул у окна.

– Ты что задумал? – спросил он.

Тарасов одной рукой взял термос за край и вылил его содержимое, бензин пополам с машинным маслом, на голову Зеленского. Термос полетел в угол кабинета. Не опуская пистолета, Тарасов вытащил из кармана хромированную зажигалку, пальцем откинул крышечку, повернул колесико.

Весело вспыхнул оранжевый огонек. Зеленский открыл было рот, чтобы крикнуть, позвать на помощь, но не смог издать ни звука. Он онемел от страха. Тарасов держал горящую зажигалку в руке и через окно наблюдал за происходящим в кафетерии.

Крапивин в рубашке, разорванной в клочья, продолжал держать оборону.

Два грузчика в синих рабочих халатах повисли на руках Крапивина, третий грузчик дважды ударил Крапивина кулаком в лицо. Милицейский патруль из трех человек окружил дерущихся. Милиционеры одновременно, как по команде «фас», бросились вперед.

Человеческие тела сплелись в единый темный клубок. Из этой мясоловки выныривала и снова пропадала окровавленная голова Крапивина, похожая на красный мяч.

– Чего ты хочешь, денег?

Облитый бензином Зеленский, к которому вернулся дар речи, бессильно сжимал пухлые кулаки.

– Хочу посмотреть в твои глаза, когда ты будешь дышать.

Человек, вспыхнувший, как факел, вскочил на ноги и заметался по кабинету. Тарасов выскочил на лестницу, скатился вниз по ступенькам, скинул крюк с двери и выскочил в торговый зал.

Только тут Зеленский закричал «помогите» диким, уже нечеловеческим голосом. Сорвав с окна жалюзи, он выдавил грудью двойное стекло, и с высоты второго этажа вывалился в торговый зал.

Продавщица за ближним прилавком, наблюдавшая сцену падения Зеленского из окна, повалилась в обморок. Кто-то закричал «пожар». В этот момент раздался сухой пистолетный выстрел, за ним ещё один и ещё один. Закричали женщины.

Тарасов быстрым шагом дошел до дверей и обернулся.

По магазину плавало облако зловонного черного дыма. Люди, не понимавшие, что происходит, метались по торговому залу. В дверях магазина, ещё несколько минут назад почти пустого, почему-то образовалась давка. Какие-то женщины толкали Тарасова локтями, оттесняя от прохода.

Он бросился вперед, влился в общий людской поток.

Уже через три минуты Тарасов сидел за рулем своего автомобиля. Он медленно отъехал от автомобильной стоянки, свернул на автомобильную магистраль.

Жаль Крапивина, очень жаль. Впрочем, в случившемся есть доля его вины. Крапивин должен был устроить драку, а не развязывать на территории магазина боевые действия.

Тарасов с горечью подумал, что у прекрасной человеческой жизни есть два главных недостатка. Жизнь жестока и слишком скоротечна.

Глава шестая

Переступив порог знакомого кабинета на Петровке, и взглянув на следователя Руденко, Локтев испытал приступ острой зависти. После выходных лицо Руденко покрылось молодым золотистым загаром, казалось свежим и отдохнувшим. Следователь источал флюиды бодрости и жизнелюбия.

Видимо, субботу и воскресенье, Руденко, сумевший оторваться от рабочей рутины, провел в приятном обществе на лоне природы. Лежал кверху голым пузом на берегу подмосковной речки, сосал студеное пиво и заедал его крабовыми палочками или воблой.

Чем не жизнь? Блаженство. А какая-нибудь худосочная подруга, пристроившись под боком следователя, веточкой отгоняла от его мускулистого тела комаров и слепней. В представлении Локтева подруги милиционеров почему-то представлялись именно худосочными, костистыми и, само собой, некрасивыми до неприличия.

Сам Локтев же в выходные не придумал лучшего развлечения, чем слоняться по пустой жаркой квартире. Он мучил себя вопросом: что будет завтра во время нового допроса на Петровке? И не находил ответа. Главное же, Локтев не чувствуя в себе сил к сопротивлению наглому нахрапистому Руденко.

Бесконечно длинный день, наконец, закончился. На небе появились облака, солнце сползло за дальние многоэтажки. Поужинав парой бутербродов и стаканом молока, Локтев потушил свет и, раздевшись до трусов, повалился на диван, накинул на себя короткую простынку.

Серый вечер медленно сменился желтой московской ночью. В распахнутую балконную дверь потянуло прохладой, ветер шевелил тюлевую занавеску, сделалось совсем тихо. Но сон все не шел. Безответные вопросы, напряжение последних дней, тяжкая неизвестность будущего, все это жгло, тревожило душу.

Извертевшись на диване, скрутив простыню в жгут, Локтев, уже уставший ждать худшего и волноваться, встал, нашел в секрете упаковку снотворного и, приняв таблетку, вскоре забылся тяжелым каким-то нечеловеческим сном. Утром он чувствовал себя больным и разбитым.

Осунувшийся, с бледным лицом, Локтев положил повестку на стол следователя и опустился на стул. Руденко захлопнул какую-то папку, посмотрел на Локтева искристым веселым взглядом и даже улыбнулся своим мыслям.

– Ну как, вы подумали над моим предложением?

– Подумал, – кивнул Локтев. – Хорошо подумал. И решил отказаться.

– Ну вот, опять вы за свое, опять все по новой.

Руденко, видимо, несколько не разочарованный ответом, даже не согнал с лица улыбку.

– Только обстоятельства за те несколько дней, что мы не виделись, сильно изменились. Я бы сказал, радикально изменились. В худшую для вас сторону. Я не кокетничаю и не сгущаю краски. В настоящее время в Матросской тишине содержится некий Степанидин, известный в уголовном мире, как Степан. Славянский вор в законе, коронован ещё пятнадцать лет назад, в ту пору, когда лаврушники не покупали это звание за деньги. Это к слову.

Локтев, чувствуя недоброе, вжался в стул.

– Так вот, – продолжал Руденко, веселыми глазами разглядывая ещё окончательно не засохший кактус в цветочном горшке. – Контролеры следственного изолятора перехватили маляву, которую Степанидин отправлял на волю. В своем послании он просит найти того чайника, кто насмерть сбил машиной его лучшего друга, помощника, свою правую руку. Некого Мизяева Олега Иннокентиевича, рецидивиста. Кликуха Мизер, четыре судимости, три лагерных срока. Найти чайника и разобраться по свойски. В лучшем случае посадить

на перо. А в худшем... Может, паяльной лампой сжечь. Даже сказать не берусь. Понимаете, о чем я толкую?

Локтев тяжело засопел.

– В прошлый раз вы сказали, что я сбил машиной вовсе не какого-то Мизяева. Я сбил технолога, семьянина, многодетного отца. Вы сказали, что его фамилия Игнатов. Единственная запись в трудовой книжке. А вдова Игнатова проломит мою голову утюгом. А на суде ещё добавит или, в крайнем случае, плюнет в морду. Вы сказали...

– А, мало ли, что я сказал, – махнул рукой Руденко. – Тогда я, фигурально говоря, воспитательную беседу провел. Усовестил вас. Забудьте эту лирику про технолога и его дружную многодетную семью. У Мизера на той самой улице живет шмара, вот он от неё среди ночи отправился за очередным пузырем. Догнаться. Ну, спьяну бросился под колеса. А вы вышибли этой вонючке мозги.

– Значит, я наехал на уголовника...

Локтев чувствовал себя обманутым, сбитым с толку.

– А за что сидел это Мизяев?

– Его осуждали за всякие пустяки, на нем ничего серьезного сроду не висело. Кажется, последний раз он ограбил и изнасиловал семидесятилетнюю старуху. А потом засунул её в мусорный бак. И все прочее в том же роде. В аварии Мизяев сам виноват, нечего шлаться ночью по проезжей части. Это мое мнение. Но его к делу не подошьешь. А ваше чистосердечное признание уже в деле – его не выкинешь. И на суде вряд ли станут интересоваться образом жизни и подвигами Мизера. Судей будут интересоваться только обстоятельства ДТП со смертельным исходом. Впрочем, суд – это дело долгое. До него дожить надо.

– Что, у меня мало шансов дожить до суда?

– Это как сказать, – Руденко в задумчивости почесал затылок. – Много зависит от вас, от того, сможете ли вы переломить свое упрямство. Звучит банально, но выход есть из любого положения. И у вас он есть. Пока что есть. Надо уметь. А если вы уметь вдруг не захотите, что ж, я сейчас же готов написать обвинительное заключение. Из этого кабинета вы отправитесь не домой, а в следственный изолятор. Через купленных контролеров блатные узнают, кто вы и за что сели. Я ни рубля не поставлю на то, что вам в камере удастся пережить хотя бы одну ночь. Вас найдут утром со сломанной шеей. С сокамерники покажут, что вы ночью свалились с верхней шконки.

Скрестив руки на груди, Локтев покачивался на стуле из стороны в сторону. Он испытывал беспокойство в пустом желудке, какое-то странное брожение, пузырение, покалывание. Такое ощущение, будто Локтев наглотался стирального порошка для автоматических стиральных машин, и вот теперь этот порошок начал действовать. Рот наполнялся кисловатой вязкой слюной, которую приходилось часто, через силу сглатывать.

– Почему я должен вам верить? Прошлый раз вы говорили одно, сегодня совсем другое. Все эти малявы, воры в законе, старуха в мусорном баке, этот приговор в отношении меня...

Руденко поднялся на ноги, подошел к конторскому шкафу, достал с верхней полки толстый альбом. Положив его на стол перед Локтевым, он перевернул несколько стариц из плотного картона, ткнул пальцем в фотографию мужчины.

– В этом альбоме фотографии разных московских авторитетов. Вот он, красавец. Смотрит с фотографии, как живой. На снимке Мизер выглядит несколько моложе, но узнать можно. Вы ведь хорошо рассмотрели сбитого вами человека, вы запомнили его лицо? Это он?

– Он, – кивнул Локтев, чувствуя, как заурчал, как забеспокоился желудок. – К сожалению, он.

Руденко захлопнул альбом, убрав его на прежнее место в конторский шкаф, сел за стол, придвинул ближе пепельницу.

– Вы убедились: на этот раз я не блефую, – сказал Руденко. – И мне искренне жалко вас. По-человечески жалко. Сами себя в могилу закапываете.

– Дайте мне ещё пару дней на раздумье, – желудок отозвался на эти слова Локтева смачным бульканьем.

– Не могу дать ни дня, – Руденко цокнул языком. – Все сроки вышли, сегодня я должен предъявить вам обвинение и заключить под стражу. Если я этого не сделаю, в прокуратуре меня неправильно поймут. Мы, следователи, тоже под богом ходим. Но если вы решите сотрудничать со мной, обещаю вам свою защиту. На воле вас бандиты не найдут.

– Точно, не найдут?

– Сто процентов. Ваши показания, протоколы допросов будут изъяты из этой папки. А уголовное дело о гибели Мизяева мы закроем в связи с невозможностью найти виновника аварии. Вы ведь скрылись с места происшествия? Пусть все так и останется. Будем считать, что ваши следы потерялись во мраке той ночи. Тем самым мы исключаем утечку информации из милицеских источников. Понимаете? Итак, выбор за вами.

– Бывают моменты, когда выбирать не из чего.

Желудок Локтева заурчал, как проснувшийся гейзер.

– Тогда пишите.

* * *

Руденко передал Локтеву бумагу, продиктовал текст агентурной подписки о согласии лица стать внештатным осведомителем ГУВД Москвы.

– Какой-нибудь звучный псевдоним себе за эти дни не придумали? – спросил Руденко. – Тогда напишите, что выбрали себе псевдоним «Кактус». Число. И распишитесь.

– Кровью?

– Не смешно, – покачал головой следователь.

Дважды перечитав текст расписки, Руденко встал из-за стола, спрятал документ в сейф, достал из него водительские права, отобранные у Локтева при задержании, и положил их на стол перед драматургом.

– Спасибо, я без машины, как без рук, – Локтев спрятал права во внутренний карман пиджака. – Значит, о том, что я стал стукачом, то есть внештатным осведомителем, теперь будете знать только вы и я?

– Совершенно верно, – кивнул Руденко. – Вы и я. А теперь, когда все формальности выполнены, перейдем к делу. К черту всю рутину, к черту ваши театральные круги, этих гамаков и психов. Займемся настоящим делом. Вам знаком этот человек? По моим сведениям, вы должны его знать.

Руденко достал из-под бумаг черно-белую фотографию мужчины лет тридцати, показал снимок Локтеву. Тот кивнул.

– Это Тарасов Максим, – сказал Локтев.

– Он ваш друг?

– Нет, просто знакомый.

– Когда вы встречали его в последний раз?

– Последний? Кажется, года два назад в Петрозаводске. В тамошнем областном театре ставили мою пьесу «Уходящая жизнь»...

– Хорошо, вот вам бумага. Изложите все письменно. Абсолютно все, что вспомните о Тарасове. Все, что о нем знаете. Имеют значения самые мелкие детали, незначительные штрихи к портрету. Вы же драматург, вам по силам эта задача. Но без литературщины. Только факты. Начните с начала, когда, где при каких обстоятельствах вы познакомились. Где и когда встречались, ваши с ним разговоры. Общие знакомые. Привычки Тарасова, склонно-

сти, черты характера. Словом, все. По милицейской линии Тарасов никогда не привлекался, поэтому информация о нем более чем скудная.

– Что он натворил?

– Как внештатный работник милиции, помогающий следствию, вы должны иметь представление о существе дела, – Руденко надул щеки. – Доказано, что Тарасов причастен к нескольким жестоким убийствам в Москве. Вот, собственно, и вся наша информация. Мотивы преступлений – не известны, сообщники – не известны, место лежбища Тарасова не известно... И так далее. Установлена только его личность. По существу, вы единственный человек в Москве, кто хорошо знает Тарасова. Поэтому ваша информация так важна. Понимаете?

– Понимаю, – кивнул Локтев.

– Кстати, один интересный факт, информация для раздумий. Сам Тарасов уже больше года числится пропавшим без вести. В один прекрасный день он вышел из своей квартиры и больше туда не вернулся. Его отец обратился в милицию только через две недели после исчезновения сына. По факту исчезновения человека возбудили дело. Тарасова искали, но результата нет. Все это время его никто не видел, ни у кого из родственников он не показывался, не давал о себе знать. И вот Тарасов вдруг всплыл в Москве. Как на зло, живой и даже здоровый. Где он пропадал все это время? Вопрос на засыпку. Сейчас я, чтобы не мешать, уйду. Запру вас в кабинете и уйду.

– Лучше меня не запирайте.

Локтев погладил себя ладонью по беспокойному животу. Руденко, пожав плечами, собрал со стола бумаги и запер их в сейф. Локтев склонился над чистым листом.

* * *

Локтев потер ладонью горячий лоб.

В голове все это не уместается. Ясно, Руденко хотел сделать из Локтева не просто рядового стукача. Хотел сделать учатника своей игры. И затея удалась, осуществилась без особого труда. А Тарасова разыскивают в Москве за жестокие убийства.

Теперь, в эту самую минуту, нужно вспоминать обстоятельства их знакомства, их разговоры. Если засесть за стол основательно, о Тарасове можно роман написать. Ну, пусть не роман, хотя бы небольшую повесть. Это можно... Но кто сказал, что следователь Руденко должен знать абсолютно все, что знает Локтев? Никто этого не говорил. Зачем сразу вываливать, как подарки из мешка, всю информацию?

Когда же случилась их первая встреча с Тарасовым? Года три назад... Или четыре... Сколько же времени прошло с тех пор? Помнится только, была поздняя осень, дождливый, слякотный день.

Локтев, промокнув на остановке, так и не дождался автобуса, взял частника, и через четверть часа сдавал плащ в служебный гардероб областного драматического театра. Он поднялся вверх по широкой лестнице из белого гранита, на пару минут остановился перед свежей ещё пахнувшей типографской краской афишей, прищипленной к стене конторскими кнопками.

Он несколько раз перечитал надписи синими аршинными буквами: «Премьера. 24 октября. Современная пьеса Алексея Локтева „У каждого свой шанс“. Режиссер Виктор Решетовский. В спектакле заняты ведущие артисты областного театра».

Когда Локтев вошел в зал, прогон спектакля шел полным ходом. Режиссер Решетовский, как обычно, устроился в середине третьего ряда, точно против сцены. Он низко опустил подбородок, и наблюдал за артистами прищуренными глазами сытого бульдога. Со стороны казалось, режиссер спал.

Локтев, боясь потревожить чужие творческие раздумья, тихо опустил на соседнее кресло. «Опаздываете, молодой человек», – буркнул Решетовский. Локтев хотел что-то ответить, но тут на сцене появился актер, которого до сего момента видеть почему-то не доводилось. На репетициях в роли замужнего мужчины, обреченного на безответные любовные страдания, исполнял совсем другой человек.

«Кто это?» – шепотом спросил Локтев. «Это Тарасов из второго состава, но, видимо, мы переведем его в первый состав, – шепотом же ответил Решетовский. – Потому что Линейников запил». «А, понятно», – кивнул Локтев.

Тарасов прошелся по сцене размашистым шагом, остановился и раскатистым баритоном воскликнул: «Мою любовь украли, как крадут на вокзале чемодан. Моего Вовочки больше нет со мной». «А что это за реплики произносит этот Тарасов? – насторожился Локтев. – В моей пьесе нет этих слов». «Репетиции надо посещать, – Решетовский окончательно пробудился от дремоты. – Прошлый раз вас не было. А мы с художественным руководителем решили кое-что поменять. Как бы осовременить ваш материал». «Что именно поменять?» – заволновался Локтев. «Поменять сексуальную ориентацию этого персонажа, – Решетовский показал пальцем на сцену. – Это современно и свежо».

«Что же, вы из этого героя сделали педика?» – Локтев закашлялся. «Говорите тише, – цыкнул Решетовский. – Русский язык так богат, а вы употребляете жаргонное слово „педик“. Скажите иначе: сексуальный диссидент. Это хотя бы литературно». «Хорошо, „педик“ – не литературно, – сердито заворчал Локтев, понимавший, что затею режиссера исправить все равно не удастся. – А менять сексуальную ориентацию моего героя, превращать женатого, между прочим, человека в педика – это, по-вашему, литературно?» «Это современно» – отрубил Решетовский.

Локтев хотел встать и уйти, но, подумав, решил, что ссориться с режиссером из-за незначительных изменений в пьесе не следует по стратегическим соображениям. Драматургов вокруг немало. А областной театр один на весь город. И режиссер Решетовский один на весь город.

После окончания репетиции Локтев, ожидая, когда освободится режиссер, слонялся по фойе, в который уж раз разглядывая развешенные на стенах фотографии артистов. Тарасов, подойдя сзади неслышными шагами, тронул драматурга за плечо: «Здравствуйте, хотел вами познакомиться. И вот случай представился. Это ваша первая пьеса?».

Локтев развел руками: «Первая. А это ваша первая большая роль?» «М-да, не думал, что роль окажется такой, – сказал Тарасов. – Что придется играть какого-то пидора, поганого извращенца. Но, вы сами знаете, актеры ничего не решаю. Кстати, тут рядом одно новое заведение открылось. Вроде ресторана, но цены, как в рабочей столовой. Заглянем?» После короткого раздумья Локтев решил, что дожидаться режиссера вовсе необязательно, есть смысл выпить пару рюмок водки и одобрит это дело кружкой пива.

Заведение действительно оказалось дешевым и чистым. Там играла какая-то музыка, подавали свиные шашлыки... Сейчас уж всех деталей не вспомнить. «А, может, каких-нибудь девочек обналичим?» – спросил Тарасов в начале первого ночи. Но Локтеву было уже не до девочек. Приятный вечер закончился тем, что Тарасов поймал частника и отвез домой слишком пьяного, не рассчитавшего своих сил драматурга.

На листе бумаги Локтев написал: «Тарасов артистичен, легко сходится с людьми, умеет найти общие темы для общения. Эрудирован».

* * *

Спустя пару недель Локтев, посещавший платный тренажерный зал общества «Урожай», встретил Тарасова в раздевалке. «А я на тренировку по боксу, – сказал Тарасов. –

Вообще-то все мои спортивные заслуги в прошлом, да, собственно, и нет особых заслуг. Махаю кулаками, чтобы окончательно форму не потерять. Я как спаринг-партнер ассистирую одному перспективному парню, Коле Анищенко. Слышал о таком?». «Слышал. Интересно взглянуть. Смотрю, у тебя много талантов. И бокс, и театр», – Локтеву и впрямь стало интересно.

Он прошел в спортивный зал и занял место на пустой скамейке перед рингом. Тарасов разогревался в углу зала, нанося несильные удары по боксерскому мешку, подвешенному к потолку на цепях. Наконец, на ринге появился Анищенко, голый по пояс, на руках красные трехунцовые перчатки.

Локтев сразу решил, что Тарасов, весивший не более девяносто двух килограммов, против этого мордоворота, весившего куда больше центнера, не выстоит и пары минут. Кроме того, Анищенко моложе своего соперника лет на семь. Тарасов, не ожидая приглашения, спокойно поднялся на ринг, пролез под канатами.

Учебный бой начался вяло и скучновато. Тарасов выдержал первый натиск Анищенко, сумел не попасть на правый кулак тяжеловеса, маневрировал по рингу, но держал спину слишком прямой. Когда первый раунд закончился, Анищенко, ещё не вспотевший, уселся на выставленный тренером табурет, прополоскал горло глотком воды, выплюнул её себе под ноги. Тарасов стоял в противоположном углу ринга, табурет ему не принесли.

Во втором раунде выяснилось, что Тарасов не только держит удар, но сам умеет сильно пробить с обеих рук. Анищенко пропустил апперкот справа и несколько очень плотных ударов в туловище, после которых никак не мог восстановить дыхание. Лишний вес мешал Анищенко быстро вдвигаться, его выпады казались слишком медленными, предсказуемыми.

Тарасов успевал или уйти или закрыться предплечьями. С другой стороны, при таком весе, который имел Анищенко, можно одним ударом положить кого угодно. Нужно только попасть. Анищенко мазал. Все мазал и мазал. Все перемалывал кулаками воздух.

Тарасов же был подвижен, нырял под удары, шел вперед и снова отступал. В конце раунда Анищенко уже дышал, как паровоз, а грудь лоснилась от пота. Тарасов, топтавшийся в своем углу, выглядел довольно свежим. В третьем раунде он перестал пятиться назад, неожиданно пошел на размен ударами. А потерявший уверенность Анищенко, оказался прижат к канатам, был вынужден рисковать, раскрываться и, в конце концов, пропустил крюк в голову справа и слева.

Тарасов два раза провел боковой слева и кончил бой хлестким боковым ударом в голову справа. Это был честный бой, честный поединок. Анищенко проиграл вчистую. Проиграл, потому что не был настроен на победу. Он изначально считал победу своей собственностью, но ошибался.

Анищенко ахнул и упал грудью вперед, упал тяжело, как подстреленный бегемот. «Максим, мудака, это же тренировочный бой», – крикнул тренер.

Он пролез под канатами, ступил на ринг и встал на колени перед лежащим на досках Анищенко, который даже не пытался подняться. «Вот и хорошо, что бой тренировочный. Судей нет, и победу вам никто не подарит», – огрызнулся Тарасов. Он пролез под канатами, спустился вниз, на ходу развязывая шнуровку на перчатках.

«Тарасов хороший спортсмен, боксер. Увлекается стрельбой. Умеет сохранить достоинство перед лицом опасности», – написал на листке Локтев. Подумал минуту и добавил: «Склонен к насилию. «.

* * *

Были и другие встречи. Время от времени они виделись в театре, играли в фое в настольный футбол, пару раз посещали соревнования по любительскому боксу, даже в одной

компании встречали Новый год. Но знакомство так и не переродилось в дружбу. Тарасов исчез из жизни Локтева также внезапно, как появился.

Он ушел из театра, перестал показываться в спортзале «Урожай». Последний раз они встретилась на улице, совершенно случайно. Стоял летний день, слишком жаркий и солнечный для северного города. Тарасов затащил Локтева в какую-то забегаловку, угостил пивом. На все вопросы отвечал неопределенно и односложно: не знаю, подумаю, не решил... Они постояли часа полтора за круглым столиком в углу зала, а потом затем Тарасов пригласил Локтева к себе домой. Тот, не раздумывая, согласился.

Деревянный некрашеный дом на городской окраине. Квартира из двух комнат на втором этаже. Помнится, отец Тарасова тяжело болел. Из локтевого сгиба его правой руки торчала иголка. Старик беспокойно ходил по квартире, свободной рукой таская за собой металлический штатив с закрепленной в нем капельницей с физраствором.

Они с Тарасовым устроились на кухне, разложив закуску на стуле у окна.

«Почему ты ушел из театра?» – спросил Локтев. «А, надоело всю жизнь быть на вторых ролях, – отмахнулся Тарасов. – Какое у меня образование? Омский физкультурный институт. Плюс театральная студия. С таким образованием в театре ничего не светит. И вообще, ни в театре ни в спорте я не достиг блистательных высот. Попробую себя в другой области».

«И в кой же это области?» – спросил Локтев. «Пока не знаю», – Тарасов наполнил рюмки. «А я еду в Москву, хочу там попытать счастья», – скромно сказал Локтев, которого распирало от счастья. Сразу два столичных театра решили ставить его пьесы. «Ну, может, в Москве увидимся», – ответил Тарасов. Он не выглядел счастливым, он, видимо, тоже вынашивал тщеславные планы. Иного свойства планы.

Интересно, какие именно?

«Во время нашей последней встречи Тарасов выглядел угнетенным, по моему мнению, он не в ладах с самим собой», – написал Локтев и поставил точку.

* * *

– Немного же вы вспомнили.

Руденко прочитал и отодвинул от себя исписанную до половины страницу.

– Я постараюсь вспомнить больше, – ответил Локтев. – Дома посижу и вспомню. Только ответьте мне на один вопрос. Если я найду для вас этого человека, то могу рассчитывать на премиальные? Я не о деньгах. Я могу надеяться, что в случае удачного завершения поисков, мое сотрудничество с уголовным розыском навсегда закончится?

Руденко хмыкнул и неопределенно пожал плечами.

– Я найду для вас Тарасова, – сказал Локтев. – Но это будет мое первое и последнее, так сказать, дело. Договорились?

– Сперва найдите, тогда поговорим.

– Мне нужны гарантии.

– А я не представитель страховой компании, чтобы давать какие-то сраные гарантии, – Руденко начинал злиться. – Тарасова МУР не может найти, а вы говорите: я найду. Вы переоцениваете свои скромные таланты. Идите домой, соберитесь с мыслями и напишите все, что знаете. Как только закончите свой опус, звоните мне, но по телефону не называйте своего имени. Теперь у вас есть только псевдоним: Кактус. Встретимся вот в этой закусочной. Тихое место в центре.

– Так вы обещаете, что в случае успеха отпустите меня с Богом? – упорствовал Локтев.

– Вы ещё ничем не помогли следствию, ничего не сделали, а уже начинаете торговаться, уже выдрючиваетесь, – Руденко поморщился, как от кислого. – Сперва докажите, что вы хоть на что-то способны. Только самостоятельно вы ни хрена не сможете сделать.

Ваш друг сильно изменился за то время, что вы с ним не виделись. Из провинциального актеришки он превратился в отпетого бандита и убийцу. Если он только узнает, что вы его ищете... Если только узнает, вы проклянете тот день, когда вылезли из материнской утробы. Все, пишите письма.

На отрывном листке Руденко написал адрес шашлычной, передал бумагу Локтеву.

Глава седьмая

Едва загорелся зеленый свет светофора, Локтев рванул машину с места. Выбирая ближнюю дорогу к трем вокзалам, свернул в первый же переулок, хотел прибавить газу, но тут заметил мужчину в клетчатой рубашке и мятых брюках.

Мужчина стоял на кромке тротуара и с чувством человека, отчаявшегося поймать машину, выразительно махал правой рукой, задирая кверху большой палец. Локтев тормознул, потянувшись к ручке, толкнул ладонью правую дверцу.

– Куда ехать?

– На Каланчевку, к Ярославскому вокзалу. На поезд опаздываю.

– Садись, – сказал Локтев.

Мужчина распахнул заднюю дверь, кинул на сидение огромную сумку из синтетической ткани, но сам в машину не залез. Отбежал в сторону, подхватил на руки стоявший у фонарного столба плотно набитый джутовый мешок, бросил его на пол салона. Забравшись на переднее сидение, с силой захлопнул дверь, промокнул рукавом влажный от пота лоб.

Локтев плавно набрал скорость.

– Товара детского, всякого разного в Москве прикупил.

Мужик самодовольно усмехнулся и, не спрашивая разрешения, закурил зловонную папиросу.

– Трикотаж, обувь.

– Что, много у вас детей?

Локтев, посочувствовав в душе нелегкой судьбе многодетного отца, опустил стекло.

– Трудно с ними, с детьми, одень, обуй, – покачал головой мужик. – Трудно. Хотя лично у меня детей вообще нет. А товар для перепродажи. Моя супруга в совхозе работает, так зарплату ей свиной щетиной выдали. Куда её девать, щетину?

– Хорошо хоть не навозом зарплату выдавали, – ответил Локтев. – А то бывали и такие случаи. Щетина хоть лежит себе спокойно. И даже не воняет.

Мужик, соглашаясь со справедливым замечанием водителя, кивнул в ответ и стал с глубокомысленным видом сосать мундштук тлеющей папиросы. Локтев же через секунду забыл о пассажире.

...Под утро он вздрогнул, как от удара электротоком, и тут же, проснувшись, сел на диване.

Ведь у Тарасова была постоянная подруга. Как бишь её звали? Фамилия Смирнова, это совершенно точно. А вот имя, имя... На фамилии у Локтева хорошая, острая память, а вот имена почему-то запоминаются со скрипом. Кажется, женщину звали Тамара. Или Людмила?

В одной компании они отмечали какой-то праздник. «Моя невеста», – так, коротко и емко, Тарасов представил подругу гостям. Обычная женщина. Лет тридцати, среднего сложения, среднего роста, коротко стриженные волосы.

Позже была ещё какая-то вечеринка, юбилей заведующего постановочной частью, на котором присутствовал все актеры областного театра, и даже операторы сцены, и даже осветители... К тому времени эта Смирнова окончательно вжилась в роль невесты Тарасова. Но не сложилось. Почему? Теперь и не вспомнить. Так как же её звали? Смирнова, Смирнова...

Слишком распространенная фамилия. Надо бы имя вспомнить.

Локтев отбросил одеяло, не одеваясь, зажег свет, сел на стул, раскрыл дверцу секретера. Он выгреб изнутри все старые записные книжки, все исписанные крупным неразборчивым почерком ежедневники, ветхие еженедельники, желтые от старости блокноты.

Серые рассветные сумерки медленно вползли в комнату, а Локтев все сидел на своем стуле терпеливо, страница за страницей, перелистывая старые записи. Половина восьмого утра он отправился в ванную, затем прошел в кухню, заварил в чашке растворимый кофе и, выпив его залпом, снова вернулся к своему скучному занятию. «Смирнова – это точно», – бормотал себе под нос Локтев, медленно переворачивая станицы бесчисленных блокнотов. Реплики из пьес, черновые наброски сцен, чьи-то полузабытые имена, телефоны, снова реплики...

Ведь где-то он записывал имя, и даже отчество этой Смирновой. С какой целью записывал? Вот в этом весь фокус. Года три назад он отправлял из Петрозаводска в Москву посылку другу отца Мухину. Картонный ящик, перехваченный клейкой лентой, содержал в себе стандартный наборчик северных гостинцев: орешки, мед, ещё какая-то ерунда. Не в посылке дело.

Главное, с кем Локтев передавал свои небогатые дары. А передавал он их с проводницей скорого поезда «Петрозаводск – Москва», несостоявшийся женой Максима Тарасова, со Смирновой передавал. Но вот только имя женщины... И почему он такой беспамятный? Впрочем, и без имени найти Смирнову можно. Человек не иголка... И все-таки имя следует знать.

Ровно в десять утра Локтев угостил сам себя ещё одной чашкой кофе. Закурив, он открыл дверь на балкон, плотно уселся на стул, твердо решив не вставать с него, пока не будет перевернута последняя страница последней записной книжки. Он взял в руки маленькую записную книжку в яркой обложке из кожзаменителя, перевернул пару страниц.

И вот она запись красной шариковой ручкой: «Смирнова Лидия Константиновна, седьмой вагон, „Петрозаводск – Москва“. Все-таки Лидия. „Никогда не выбрасывай старые записные книжки“ – сказал вслух Локтев. Подумал секунду и сам себе вслух ответил: „Я и не выбрасываю“.

Он полистал толстый московский справочник, нашел номер справочной службы Ленинградского вокзала, поднял трубку. «Бывает такое, люди работают несколько лет на одном месте, – подумал Локтев. Такие недоразумения сплошь и рядом случаются. А вдруг». Через двадцать минут он дозвонился диспетчеру направления Ленинградской железной дороги. «Помогите, пожалуйста, мне нужно найти родственницу, – Локтев заговорил слабым придушенным голосом. – У нас в семье горе. Она проводник поезда... Ее зовут...»

Невероятно, но Смирнова, как и три года назад, работала проводником на том же самом поезде, в том же вагоне. Мало того, её поезд прибывал в Москву сегодня в тринадцать сорок пять. Ну и дела. Локтев положил трубку и взглянул на часы. Можно не торопиться со сборами. Время ещё терпит. Когда Локтев, уже одетый, отпирает входную дверь, зазвонил телефон, пришлось вернуться.

Голос режиссера Старостина звучал бодро:

– Ну, старик, ты все-таки родился в рубашке. Худсовет прошел на ура. Все говорят: появился второй Вампилов. Поздравляю. Но ты не радуйся, впереди второй худсовет. Решающий. Придут чиновники, драматурги и всякая такая вшивая публика. А пока начинаем читку твоей пьесы. Роли распределяем, прикинем. Но есть кое-какие замечания. Надо их исправлять на ходу.

– Какие ещё замечания? – спросил Локтев.

– Пресноватая пьеса, – вздохнул режиссер. – Надо бы перчику добавить. Для остроты вкуса. Приходи к часу и не дай тебе Бог опоздать.

Локтев воспринял доброе известие болезненно, решив, что в его отсутствие любого, самого положительного персонажа пьесы, запросто превратят в сексуального диссидента или просто-таки в опущенного козла.

– Я не смогу опоздать на читку, – сказал Локтев. – Потому что вообще не приду. Я заболел, не встаю с кровати. Человек ведь имеет право заболеть?

– Имеет, но не в решающие моменты своей жизни.

Выяснение отношений с режиссером отняло добрых четверть часа.

Едва Локтев положил трубку, аппарат разразился новым звонком.

– Мать-перемать, полчаса не могу дозвониться, – сказал Руденко вместо приветствия. – Сегодня в три часа тебе нужно быть в городской больнице по адресу... Поднимешься на второй этаж, там, на одном из кабинетов табличка «ординаторская». Вот там я буду ждать.

– Вы что, заболели? – с надеждой спросил Локтев.

– Я здоров на твою беду, – сказал Руденко. – Подробности на месте.

– Возможно, к этому времени у меня появится кое-какая информация о Тарасове, – сказал Локтев.

Когда Локтев сел за руль «Жигулей», на встречу поезда из Петрозаводска он уже опаздывал.

...Локтев проехал вдоль площади трех вокзалов, развернулся, увидел свободное место, приткнул в него машину и вытащил ключ из замка зажигания.

– Хреновая штука эти «Жигули», – сказал мужик, продолжая сосать папиросу. – Такая низкая посадка, что можно прямо из салона бабам под юбки заглядывать.

– Ты же только что на поезд опаздывал, время, – Локтев показал пальцем на наручные часы. – Хватай мешки, вокзал отходит.

Мужик мгновенно среагировал на команду. Встрепенулся, выскочил из машины, пристроив мешок на плече, подхватил сумку и тут же затерялся в привокзальной толпе, второпях забыв расплатиться.

* * *

Поезд «Петрозаводск – Москва» прибыл на третий путь минут двадцать назад. Волна пассажиров уже схлынула. Локтев прошагал по пустому перрону, вошел в седьмой вагон. В служебном купе какая-то женщина в черной юбке и форменной серой рубашке, стоя спиной к двери, сортировала стоженное в стопки грязное белье.

Чтобы обратить на себя внимание, Локтев громко кашлянул в кулак. Женщина обернулась.

– Здравствуйте, Лида, – Локтев улыбнулся. – Не узнаете?

Смирнова, приблизилась на полшага, прищурила глаза, будто плохо видела.

– Я Алексей Локтев.

Он постучал себя ладонью по груди, давая понять, что Алексей Локтев именно он, и никто другой.

– А, вот теперь узнала. А то смотрю, лицо знакомое. Алексей, конечно.

– Как вы поживаете?

– Все катаюсь туда обратно. А вы как в Москве устроились?

– Да вот, стараюсь пристроить свои пьесы в московские театры, – Локтев скромно опустил глаза. – Трудное это дело.

– Конечно, трудное, – согласилась Смирнова, имевшая самое слабое представление о том, как пристраивать пьесы собственного сочинения в столичных театрах. – А какими судьбами здесь оказались? Посылку хотите отправить?

– Не совсем посылку, – замялся Локтев, не продумавший, как удобнее приступить к делу. – Я, собственно, тут на улице увидел нашего общего знакомого Максима Тарасова.

При упоминании о Тарасове Смирнова как-то сникла.

– Ехал на троллейбусе, смотрю, он идет по улице, – продолжал врать Локтев. – Вышел на остановке, а его уж след простыл. Оказывается, Максим в Москве, я и не знал. И сразу о вас вспомнил. Так хочется с ним увидеться.

– А я Максима видела неделю назад.

– Что, видели здесь в Москве?

Локтев вдруг так разволновался, что вспотели ладони.

– Здесь видела. Вот на вашем месте он стоял. В Петрозаводске один незнакомый человек передал Максиму посылку, какую-то небольшую коробку. Максим подошел к поезду, стоял вот прямо, где вы стоите.

– Прямо где я стою? – тупо переспросил Локтев. – Надо же. И как он поживает?

– Неплохо поживает, поправился.

– Может, вы знаете, где найти Максима? – быстро забормотал Локтев. – Хочется посидеть с ним, поговорить, былое вспомнить. Былое и думы... Нам ведь есть, что вспомнить.

– Найти его можно очень даже просто. Правда, адреса Максима или его телефона я не знаю. Но у меня есть...

Смирнова нагнулась, достала из-под стола кожаную сумочку, покопавшись в ней, вытащила сложенный вчетверо листок и передала бумажку Локтеву.

– Это номер его пейджера. Просто передайте сообщение. Мол, хочу увидеться, оставьте свой телефон, а Максим перезвонит.

Локтев развернул листок: телефонный номер оператора, для абонента... Локтев не мог поверить в свою удачу. Слишком много везения выпало на один день.

– А как к вам попал этот номер?

– Максим оставил, – просто ответила Смирнова. – Сказал: если ещё будут какие окации, брось сообщение на мой пейджер, я приеду. Вы идите, а то поезд сейчас отправляют в отстойник, на запасные пути.

– Не знаю, как вас благодарить, до свидания.

Локтев шагнул назад, развернулся, по узкому коридорчику дошел до тамбура, но неожиданно развернулся.

– Лида, я хотел...

Он застыл на пороге служебного купе. Смирнова, снова взявшаяся за белье, держала в руках стопку серых простыней.

– Лида, я, наверное, не должен этого говорить. Впрочем, не знаю. Максима разыскивает милиция. Все очень серьезно. Говорят, он совершил преступления. Он убийца.

– Максим убийца? Его ищут? Зачем же вам нужно его видеть?

Смирнова опустила руки, простыни упали на пол.

– Я должен был вас предупредить. Для того, чтобы вы держались от Тарасова подальше. Я знаю, что он очень опасен. Не встречайтесь с Максимом ни под каким предлогом. Не передавайте больше никаких посылок. И никому, ни одной живой душе, не рассказывайте о том, что дали мне номер пейджера. И вообще, берегите себя. Прощайте.

– Подождите... Послушайте...

Но Локтев не хотел ждать, не хотел слушать. Он повернулся на каблуках и выскочил из вагона на нагретый солнцем перрон. «Сейчас я встречу с Руденко, передам ему номер пейджера, – думал Локтев. А дальше... Дальше они сами все выяснят. Дальше свобода. Ведь он обещал свободу. Он не может обмануть. Все кончается. Так быстро. Так хорошо. Я умываю руки. Ура, я умываю руки. Боже, я умываю руки».

* * *

Руденко ожидал Локтева не у ординаторской, а на свежем воздухе, перед входом в хирургический корпус городской больницы. Присев на лавочку в тени раскидистого тополя, он со вкусом поглощал шоколадное мороженое в вафельном стаканчике и глазел на парочку жирных голубей, токовавших на подоконнике первого этажа.

– Опаздываете.

Руденко проглотил остатки мороженого, опустил блестящую бумажку в урну и протянул руку липкую ладонь Локтеву.

– Кажется, я вовремя, – Локтев посмотрел на часы. – Даже раньше на пять минут.

– Ну, значит, это я раньше времени пришел, – миролюбиво заметил Руденко. – Какие новости?

– Никаких.

Локтев развел руками. О пейджере он скажет позже. Вкусное на третье.

– Я хочу показать вам одного человека, некоего Крапивина. Вам не знакома эта фамилия?

Локтев отрицательно покачал головой. Руденко открыл перед Локтевым дверь, пропуская его вперед.

– Все равно, посмотрите на этого типа, может, вспомните что-нибудь. Мы предполагаем, что этот Крапивин сообщник Тарасова. Но точных доказательств этому предположению пока нет. Версия следствия такова. Тарасов выяснял отношения с директором турфирмы неким Зеленским. Крапивин устроил драку в кафетерии, который находится по соседству. Отвлекающий маневр.

– Драка закончилась больницей?

– Крапивину в тот день не повезло. Рядом проходил милицейский наряд. Этот Крапивин попытался разоружить одного из милиционеров. Возникла угроза их жизни. Короче, этого типа подстрелили. А Тарасов, если это действительно был он, ушел. Кстати, знаешь, что он сделал с Зеленским? Просто облил его бензином и сжег к чертовой матери. Заживо сжег. Зеленский умер в приемном отделении больницы.

– Мне кажется, следствие на неправильном пути. Сжечь человека живьем. Нет, Тарасов на такое не способен.

В кабинете заведующего отделением Казанцева было душно и накурено. Седовласый врач сидел за письменным столом, а посетители устроились на стульях у стены. Казанцев с понурым видом сгорбил спину и разговаривал с Руденко так, будто в чем-то оправдывался перед ним.

– Я не Бог, – говорил Казанцев. – Когда интересующего вас человека привезли сюда, в нем сидело две пули. Одна пуля в животе, другая в груди. Причем вторым выстрелом задет позвоночник. Плюс травмы головы и лица, плюс сломанные ребра и правое предплечье. И я удивился, что этот Крапивин ещё жив. Не знаю уж, что он натворил в этой кафетерии. Разлил стакан сока, выругался матом или кому-то наступил на больную мозоль. Не знаю... Только отделали его, как Бог черепаху. Нанесли ранения несовместимые с жизнью. Как вы догадались, может быть, я не новичок в медицине. Видел разные виды, видел страдания и мучения. Но до сих пор не устаю поражаться человеческой жестокости...

– Доктор, не надо этой лирики, – оборвал врача Руденко. – Страдания, мучения... Мы здесь по казенному делу. Скажите лучше, Крапивин будет жить?

Казанцев вздохнул и покачал головой. Врач волновался, и от волнения он начинал сильно растягивать гласные буквы, произносить слова нараспев.

– Ни-и-и-икаких ша-а-ансов. У него тяжелейшее ранение в живот, задеты важные органы. Но дело даже не в этом. У Крапивина развился гнойный перитонит, воспаление...

Руденко взмахнул рукой, словно отгонял муху, и снова не дал врачу договорить.

– Опустим медицинские подробности. Сколько он ещё проживет?

– Это вопрос не ко мне. Он приходит в себя на несколько минут и снова теряет сознание. Ну, возможно ещё пару дней протянет. Может, пять дней. Не знаю.

– Мне надо задать вашему пациенту несколько вопросов

– Он без сознания.

– Так приведите его в сознание. Сделайте какой-нибудь укол или что там делают в таких случаях. Пусть хоть что-то скажет, пока ещё копыта не откинул.

– Я не пускаю к нему даже близких родственников. Даже жену не пускаю. Вы не имеете права допрашивать человека в таком состоянии. Слушайте, есть же этические нормы поведения...

– Доктор, оставьте эти рассуждения барышням, мы мужчины, – ответил Руденко. – Да, я не смогу надеть на Крапивина наручники по единственной причине, потому что он собрался врезать дуба. Тогда от него мертвого никакой пользы следствию не будет. Но хоть сейчас я смогу с ним поговорить. С вашей помощью или без вашей помощи, но я это сделаю. Выбирайте.

– Хорошо. Пойдемте.

Казанцев живо поднялся из-за стола, распахнул дверь в коридор, вышел из кабинета. Руденко и Локтев отправились следом. Отделение интенсивной терапии помещалось тут же, на втором этаже, за дверью в торцевой стене. В тесном предбаннике, отделявшем палаты от больничного коридора, Казанцев остановился и велел посетителям снять с вешалки и набросить на плечи белые халаты.

– Теперь ждите здесь.

Врач показал пальцем на жесткую кушетку возле стены и исчез за стеклянной дверью. Локтев присел на краешек кушетки, Руденко остался стоять на ногах.

– Вы по телефону сказали, что у вас появилась какая-то информация.

– Ну, я просто вспомнил, что у Тарасова в Петрозаводске живет отец. Я знаю его адрес.

Локтев пристально посмотрел на потолок, сосредоточив внимание на лампочке в белом пластмассовом плафоне. Он не умел врать, глядя человек в глаза. Руденко фыркнул.

– Это не информация, а мусор. Старика ещё полгода назад закопали на кладбище.

– Я не знал.

Руденко, прищурившись, сверху вниз посмотрел на Локтева. Чтобы чем-то отвлечь себя от этого пронзительного взгляда, от щекотавшего ноздри запаха камфорного спирта, ещё каких-то неприятных лекарств, Локтев попробовал мысленно отвлечься на посторонние темы. Но и посторонние темы оказались странным образом связанными с медициной. Локтев размышлял о том, подвержены ли собаки венерическим заболеваниям. А если подвержены, то каким именно. Сифилису? Вопрос так и остался нерешенным. Стеклянная дверь открылась, высунулась голова Казанцева.

– Пройдите. Но только на пять минут.

– Нет, уважаемый доктор, при вас разговор не состоится, – Руденко покачал головой. – Там ещё кто-то есть, ну, в реанимации?

– Та-а-а-м сестра, – нараспев ответил врач. – Только что сняла капельницу.

– Сделайте, как я говорю. Выведите из палаты сестру и вместе с ней ждите в коридоре. Не здесь, на кушетке, а там, в коридоре. Вопросы, сами понимаете, не для посторонних. Это тайна следствия. И не волнуйтесь: я быстро все закончу.

Казанцев повернул голову, позвал дежурную сестру, вслед за ней вышел в коридор.

– Пойдемте.

Руденко поманил Локтева пальцем.

В шестиметровом боксе, именуемом палатой, за низкой белой ширмой на кровати у окна лежал человек в больничной рубашке, заляпанной бурыми пятнами. Лицо человека, темное, одутловатое, опухшее от побоев, казалось лицом мертвеца, если бы не голубые прозрачные глаза, которые двигались, следя за пришедшими людьми.

Локтев, прикрыл за собой дверь, инстинктивно закрыл нос ладонью. Фу, ну и запах здесь. Воняет, как у древней старухи из-под юбки. И старуха эта год как не моется и ходит исключительно под себя. Руденко зашел за ширму, встал рядом с кроватью и вопросительно посмотрел на Локтева.

– Не узнаешь этого типа?

Локтев, оставшийся стоять возле двери, сделал над собой усилие, пристально всмотрелся в лицо человека. Показалось, Крапивин усмехается. Или это гримаса боли? Или гримаса призрания?

– Нет, не узнаю.

Руденко чуть наклонился над кроватью.

– Я инспектор московского уголовного розыска, – сказал он, произнося слова твердо и отчетливо. – Вы меня понимаете?

Крапивин в ответ кивнул головой.

– Вы можете говорить?

– Да, могу.

Крапивин отвечал хриплым шепотом.

– Вот и хорошо. Мы задержали вашего сообщника, Максима Тарасова. На допросе он показал, что вы являетесь организатором убийства предпринимателя Зеленского. Лично я так не считаю. Мне кажется, организатор преступления не вы, а именно Тарасов. Он вас просто подставляет, валит на вас всю вину. Правильно?

– Какой ещё Тарасов?

Крапивин закашлялся и сплюнул кровавую мокроту себе на рубашку. Минуту Руденко ждал, когда Крапивин откашляется.

– Хорошо, тогда давайте сначала проясним кое-что.

Руденко вытащил из нагрудного кармана рубашки фотографию Тарасова, стал держать снимок перед глазами Крапивина.

– Не вы организатор преступления, а он. Так?

– Кто он?

– Вот этот, на карточке. Вы его узнали? Ведь узнали?

– Кого?

– Вот его, – Руденко не опускал фотографию, продолжая держать её перед лицом Крапивина. – Ведь узнали? Это он?

– Кто он?

Локтев, чувствуя напряжение момента, застыл у дверей, не зная, что с собой делать. То ли выйти из палаты и ждать Руденко в предбаннике у дверей в отделение интенсивной терапии, то ли остаться стоять на этом самом месте. Хотелось провалиться сквозь землю.

– Это Тарасов, правильно? Ведь так?

– Ведь как?

– Ведь это Тарасов?

– Кто это?

Крапивин то ли закашлялся, то ли засмеялся странным лающим смехом. В его груди что-то свистело и шипело, так на раскаленной сковородке шипит мороженое сало. Руденко убрал фотографию обратно в карман.

– Слушай меня ты, умирающий лебедь, – голос Руденко сделался злым. – Ты ведь дышаешь. Понимаешь меня? Жить тебе осталось день, а, может, того меньше. Сейчас ты покрываешь засранца, который виноват в твоей смерти. Понимаешь? Ты не хочешь ничего сказать?

Крапивин не ответил, из его груди продолжало вырываться прерывистое шипение. Руденко протянул руку, поднял больничную рубашу. Обнажилась рана на животе, глубокая, гноящаяся, по краям обмазанная зеленкой. Рана, своими размерами и глубиной похожая вовсе не на рану, похожая на нору полевой мыши или крота.

Локтев прикрыл веки и отвернулся.

– В тебе гноя ведро, – сказал Руденко. – Ты скоро издохнешь. Так скажи правду перед смертью. Ну, скажи.

Крапивин плюнул. Кровавый плевок упал на грязную рубашу. Локтев не видел, что происходит, но он слышал, как Крапивин застонал, жалобно и протяжно.

– Какая же ты тварь, – сказал Руденко, низко склоняясь над постелью.

Крапивин вскрикнул, застонал громко и жалобно.

– Ну, ну, давай, – говорил Руденко. – Облегчи душу.

Локтев испытал кислый тошнотворный позыв.

– Разрешите, я выйду, – сказал он.

– Иди, от тебя все равно никакого толку.

Руденко ещё ниже склонился над кроватью. Крапивин застонал громче, ещё громче. Локтев выскочил из палаты, прошел застекленный тамбур, высунул голову в коридор. У ближнего подоконника Казанцев о чем-то разговаривал с медсестрой.

– Доктор, – крикнул Локтев. – Кажется, больному плохо. Он, кажется, вас зовет.

Казанцев стремительно сорвался с места, косолапя ноги, прошел мимо Локтева в реанимационный бокс. Локтев сел на кушетку, тошнота провалилась вниз, но ещё продолжала кружиться голова. Через минуту появился Руденко. На ходу он вытирал носовым платком чем-то испачканные пальцы правой руки.

– Сволочь, – пробормотал Руденко, неизвестно кому адресуя ругательство. – Он вырубился, гад.

Локтев поспешил к выходу. «Нет, не получит от меня этот садист номер пейджера, – думал Локтев на ходу. Не получит. Руденко говорит, что Тарасов убийца. Но нет веры такому человеку. Он врет, скорее всего, врет. Он что-то замышляет. Если он возьмет Тарасова, то будет мучить его так, как только что мучил этого несчастного, этого Крапивина. Нет, сперва я сам должен во всем разобраться. Должен найти Тарасова, поговорить с ним. А дальше видно будет. Все, решено».

Локтев вслед за Руденко вышел из больничного корпуса, глотнул воздуха и почувствовал облегчение. На улице потемнело, с неба брызнули капли теплого дождя. Руденко остановился под козырьком подъезда, прикурил сигарету. Синее облачко табачного дыма разогнал ветер.

– Слушайте, Кактус, – Руденко усмехнулся. – То есть, Алексей, вот что. Надо форсировать события. Я не знаю, сколько ещё народу в смертном списке у Тарасова. Я не знаю, кто следующая жертва, я почти ничего не знаю... Но этого хрена нужно найти и остановить. Не знаю только, как это сделать. И от вас толку, как от козла молока. Витаете где-то, в высших сферах... Вспомните хоть что-то существенное, помогайте мне. Ведь Тарасов снова что-то затевает. Я это чувствую.

– Постараюсь помочь, – сказал Локтев. – Обещаю.

Тошнота постепенно прошла. Дышалось легко и свободно.

Глава восьмая

Локтеву пришлось потратить уйму времени на поиски адреса частного детективного агентства «Северная звезда».

Покружив по тихим дворам, поплутав среди старых зданий в сплетении кривых переулков в районе Сретики, то и дела сверяясь с адресом, нацарапанном на мятом отрывном листочке, Локтев, наконец, набрел на нужный дом. Как ни странно, агентство «Северная звезда» нашло приют в пятиэтажном здании красного кирпича, под обветшалой крышей научно-исследовательского института нефтяного приборостроения.

Дед вахтер, облаченный в пограничную фуражку с зеленым верхом и китель военного моряка, выслушал вопрос Локтева и молча махнул рукой в сторону лестницы, терявшейся где-то в темноте, в сырости затхлого подвала.

Спустившись вниз на один пролет, Локтев увидел перед собой короткий коридор, освещенный яркой стосвечовой лампочкой. В конце коридора единственная дверь, обитая железом. Ни вывески, ни таблички.

Локтев стукнул в дверь кулаком. Звук от удара получился странный, похожий на раскат далекого грома. Через несколько секунд в замке повернули ключ, петли скрипнули, дверь открылась наружу. С другой стороны порога стоял высокий полный мужчина лет пятидесяти в мятой клетчатой безрукавке навывпуск.

– А вы Локтев?

Мужчина и посмотрел на посетителя пустыми глазами, лишенными человеческого любопытства.

– Он самый, – кивнул Локтев.

– А я Журавлев. Приятно познакомиться.

Мужчина прищурился, протянул для пожатия большую ладонь, мягкую и теплую, как свежее испеченный батон. Закончив на этом короткую церемонию знакомства, Журавлев пригладил засаленные седые волосы, зевнул во весь рот и, пропустив гостя в комнату, показал пальцем на стул.

Затем хозяин кабинета два раза повернул ключ в замке и, чтобы убедиться, что дверь действительно заперта, с силой подергал за почерневшую от старости деревянную ручку. Локтев вдохнул сырого, пропахшего дешевым табаком воздуха, опустился на стул с мягким сиденьем и спинкой, осмотрелся по сторонам.

На минуту показалось, что он попал не по адресу, очутился совсем не там, куда шел. Ничего себе, детективное агентство, ничего себе «Северная звезда». Берлога одичавшего холостяка, а не агентство.

Зарешеченное слепое окошечко где-то под потолком почти не пропускало дневного света. Из обстановки старый продавленный диван, в изголовье подушка и кое-как сложенный комплект несвежего постельного белья.

У другой стены два письменных стола, один из которых завален желтыми от старости бумагами, на другом столе компьютер, телефонный аппарат и радиоприемник с выдвинутой антенной. В углу комнаты необъятных размеров сейф, рукомойник и электроплитка на тумбочке. Посередине всего этого великолепия, точно под свисающей с потолка лампочкой, ещё один конторский стол, заставленный пепельницами, полными окурков, невымытыми чашками, двумя коробками из-под ботинок.

Журавлев обогнул стол, уронил свое габаритное тело в жалобно заскрипевшее кресло на колесиках. Нацепив на нос очки, он стал бесцеремонно разглядывать посетителя, будто перед ним сидел не живой человек, а бездушная восковая кукла. Неприятная личность этот

Журавлев, – решил Локтев. Седые патлы давно не знали ножниц парикмахера, газа пустые, сонные, как у дохлой рыбы.

Такое впечатление, что частный детектив только десять минут назад, воспряв от сна, поднялся со своего продавленного дивана, на котором, не снимая одежды, сладко проспал ночь и добрую половину утра.

Локтев, почувствовав неловкость момента, кашлянул в кулак.

– Простите, что так на вас смотрю, – наконец разжал губы Журавлев. – Просто впервые в жизни довелось увидеть живого драматурга.

– А мертвых драматургов вам доводится видеть часто?

– И мертвых не видел, – не улыбнувшись, Журавлев покачал непричесанной головой. – Но это впереди.

– Не сразу вас нашел, – сказал Локтев только для того, чтобы что-то сказать. – Вывески, то есть, таблички нет.

– Мне не нужны таблички. Кто надо дорогу сюда найдет. А это сырой погреб я арендую только потому, что плата чисто символическая.

– Вы один тут, – подыскивая нужное слово, Локтев снова кашлянул в кулак, – один вы тут трудитесь?

– Один, – кивнул Журавлев. – Есть ещё молодой парень, помощник Саша Вилкин. Набирается опыта под моим чутким руководством. Раньше нас, детективов, было четверо. Но я не могу положить людям хорошие оклады. Мои коллеги нашли сытую кормушку. Я на них не в обиде.

– Что, мало работы?

– Предложений хватает, – Журавлев покачал головой. – Просто лично я не за всякую работу берусь.

Локтев кивнул головой, ему показалось, что Журавлев врет. На самом деле работы нет. Видимо, в старые добрые времена детектив привык питаться четыре раза в день, а теперь изменил своим привычкам, перешел на двухразовое питание. Он, банкрот по жизни, готов ухватиться за каждое предложение, самое дохлое, самое кислое, самое неперспективное. Самое, самое... Без разбора.

– Я уже разговаривал с нашим общим знакомым, – Журавлев сунул в рот сигарету, выпустил из себя облако дыма. – Как я понял, суть дела вкратце такова. Вы ищите в Москве некоего знакомого человека, который не хочет с вами встречаться.

– Он не знает о том, что я его ищу. Но знает о том, что его ищет милиция.

– Вам известно его имя, его внешность и номер его пейджера. Больше ничего, так?

– Больше ничего.

Локтев вытащил из кармана и протянул Журавлеву сложенную вчетверо бумажку.

– Тут все записано. Его зовут Тарасов Максим. Но я уверен, что мой знакомый живет под чужим именем, по чужим документам. Так что его имя – это пшик. Внешнее описание... Если у моего знакомого было, скажем, три ноги и две головы, если бы он весил триста килограммов, то внешнее описание кое-что значило бы. Две головы – уже зацепка. А так... Обычный человек, средней комплекции, средних лет. Каких тысячи, каких миллионы. Остается только номер пейджера. Вот я и хочу узнать, можно ли по номеру пейджера найти в Москве человека?

– Ответ отрицательный. По номеру пейджера человека не найдешь.

– Что, никаких шансов? – Локтев поморщился. – Честно говоря, я надеялся на вас. Я думал, можно с помощью каких-то приспособлений прослушать эфир, выяснить, где именно в данный момент находится владелец пейджера.

– Молодой человек, вы хоть немного петрите в радиотехнике?

Локтев, которому формулировка вопроса показалась невежливой, даже грубой, отрицательно покачал головой. Но Журавлев не дал ему возможность обидеться.

— Слушай, мне в сортир нужно, отлить. А сортир на втором этаже. Не хочешь подождать меня с другой стороны двери?

Бесцеремонный Журавлев выпроводил Локтева в коридор.

* * *

По иронии судьбы в тот же самый день и примерно в то же самое время Максим Тарасов тоже встречался с частным сыщиком.

Над Москвой занималось жаркое утро.

Тарасов явился на деловую встречу раньше назначенного срока. Теперь он коротал время во дворе старого московского дома рядом с безымянной церквушкой, закрытой на реставрацию.

Со стороны Тарасов напоминал усталого пешехода, провинциала, свернувшего под жиденькую тополиную тень с жаркого, раскаленного солнцем тротуара. Провинциал присел отдохнуть и сполоснуть горло минеральной водой из прозрачной бутылочки. Пыльный сквер, загаженный голубями и собаками, не лучшее место для отдыха в жаркий день. Но Тарасову не на кого было обижаться. Он сам выбрал это место, теперь оставалось только ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.